

LE COMTE DE S^T GERMAIN
CÉLÈBRE ALCHEMISTE

*Il faut que l'Alchimiste se donne à son Art & l'homme se fit avec cela à son tour
L'oeil qui le monde voit, se pur par son esprit, & se fait par les braves de son maître l'œuvre*

Граф
Сен-Жермен

Пресвятая Триносифия

Москва

«Сфера»

1998

Составитель

Д. Н. Попов

Перевод:

Т. О. Сухорукова

(Текст трактата, исследование
и комментарии М. П. Холла)

Н. Фролова

(И. Купер-Оукли «Граф де Сен-Жермен», приложение)

Издательство благодарит
за помощь в подготовке сборника
Музей Н. К. Рериха в Нью-Йорке
в лице *Д. Энтина* и *А. Тульской*.

Граф де Сен-Жермен

Пресвятая Тринософия. — Исследование и
комментарии Мэнли П. Холла. — М.: Сфера,
1998. — 448 с.

Книга представляет собой первое издание на русском языке единственного из известных на сегодня трудов одного из самых удивительных и загадочных деятелей XVIII века, прославленного мистика и оккультиста графа де Сен-Жермена. Исследование и комментарии к трактату принадлежат выдающемуся исследователю западных оккультно-мистических традиций Мэнли П. Холлу.

В настоящее издание включена также биография Сен-Жермена, написанная известным деятелем теософского движения Изабель Купер-Оукли.

ISBN 5-85000-022-4

© Издательство «Сфера» — состав, перевод и оформление — 1998.

*Я тот, кто беспристрастным взором
проник в Природы естество,
Исследовал её строенья бесконечность.
Я видел силу золота в глубинах рудников,
Постиг его материю и сущность.*

*И я открыл, как таинством душа
свой строит дом
В утробе материнской и, возродясь,
несёт его в себе,
Как семя виноградное в земле
с зерном тягается пшеничным
И оба прорастают, умирая и воскресая
в хлебе и вине.*

*Из Ничего, по Божьему желанью,
возникло Нечто —
Я сомневался, знать хотел, искал истоки бытия,
Гармонию, что держит равновесье мира,*

*И наконец, в благословеньях и мольбах,
Прозрел я Вечность, что к душе моей воззвала.
Я умер. Я воскрес. Я больше ничего не знаю.*

Граф де Сен-Жермен

РЕДЧАЙШИЙ ИЗ ОККУЛЬТНЫХ МАНУСКРИПТОВ

Уникальный манускрипт «Пресвятая Тринософия» («La Très Sainte Trinosophie») имеет исключительное значение для всех изучающих франкмасонство и оккультные науки. Это не только единственный известный мистический труд Сен-Жермена, но и один из самых необычных документов, относящихся к герметическим наукам, который когда-либо был составлен. (С тех пор, как впервые была опубликована эта работа, обнаружен еще один манускрипт Сен-Жермена. Он находится у меня и вскоре будет опубликован).

Хотя библиотеки европейских розенкрейцеров и каббалистов хранят много редких сокровищ античных философских знаний, вряд ли хоть одна из них располагает более значительным и ценным трактатом. Ходит упорный слух, что Сен-Жермен был обладателем великолепной библиотеки и подготовил ряд манускриптов о тайных науках для своих учеников. После его смерти ... или исчезновения ... книги и бумаги эти исчезли, осев, возможно, в архивах его общества, и ныне не имеется никаких достоверных сведений относительно их местонахождения.

Известно, что таинственный граф некогда владел копией ватиканского манускрипта о каббале,

трудом исключительной глубины, излагавшим доктрины люцифериан, люцианеан и гностиков. Второй том «Тайной Доктрины» Е.П. Блаватской (сс. 582-583 первоначального издания) содержит две цитаты из манускрипта, который, «как предполагают, принадлежит перу графа Сен-Жермена». Части параграфов, приписываемые венгерскому адепту, точно не указаны, но поскольку весь текст говорит о значении чисел, разумно предположить, что комментарии его суть мистические интерпретации чисел 4 и 5. Оба параграфа, по существу, тождественны с «*Puissance des nombres d'après Pythagore*» Жана Мари Рагона.

Махатма Кут Хуми упоминает «зашифрованный манускрипт» Сен-Жермена, оставшийся у его верного друга и покровителя, великодушного князя Карла из Гессе-Касселя (см. «*Письма Махатм Синнету*»).

В относительно незначительных высказываниях о Сен-Жермене и абсурдных домыслах о его происхождении и цели европейской деятельности нет недостатка, но всесторонние усилия, предпринятые мемуаристами восемнадцатого столетия с тем, чтобы отыскать сведения о масонских и метафизических доктринах, им распространявшихся, оказались тщетными. Сейчас ясно, что данный перевод и публикация «*La Très Sainte Trinosophie*» впервые предоставляет возможность ознакомиться с трудом, излагающим ... в обычной завуалированной и символической манере ... эзотерические доктрины Сен-Жермена и его сподвижников.

«*La Très Sainte Trinosophie*» представляет собой манускрипт No.2400, хранящийся во Французской Библиотеке в Труа. Труд этот не так уж велик и состоит из девяноста шести листов, исписанных лишь с одной стороны. Каллиграфия превосходна. Несмотря на некоторые ошибки в орфографии и диа-

критических знаках, французский академичен и безупречен, а сам текст украшен многочисленными фигурками, прекрасно нарисованными и ярко раскрашенными. Кроме рисунков во всю страницу, в начале и конце каждого раздела начертаны небольшие символы. По всему французскому тексту разбросаны буквы, слова и фразы на нескольких древнейших языках. Здесь присутствуют также магические символы, фигуры, напоминающие египетские иероглифы, и несколько слов, похожих на клинопись. Несколько страниц в конце манускрипта написаны произвольным шифром, возможно, кодом, используемым тайным обществом Сен-Жермена.

Труд этот, вероятно, был закончен в конце восемнадцатого столетия, хотя большая часть материала относится к гораздо более раннему периоду.

Что же касается истории этого замечательного манускрипта, о ней, к сожалению, известно слишком мало. Знаменитый франкмасонский мученик граф Алессандро Калиостро взял с собой эту книгу, среди прочих, в злополучное путешествие в Рим. После заключения Калиостро в замок Сан Лео, все следы манускрипта на время теряются. В конце концов, литературное достояние Калиостро попадает в руки одного генерала наполеоновской армии, а после смерти этого офицера «Пресвятую Тринософию» приобретает по номинальной цене Библиотека Труа.

В своей работе «*Musee des Sorciers*» Грийо де Живри дополняет скудные сведения о манускрипте. Он заявляет, что томик этот был куплен на распродаже имущества Мессены; что в начале книги имеется заметка некоего философа, подписывающегося как «I.V.C. Philotaume» и утверждающего, что манускрипт принадлежит лично ему и является единственной копией знаменитой «Пресвятой

Триносфии» графа де Сен-Жермена, оригинал которой сам граф уничтожил во время одного из своих путешествий. В заметке также говорится, что томик этот был собственностью Калиостро и что им завладела инквизиция, когда тот был арестован в Риме в конце 1789 года (следует иметь в виду, что Калиостро и его жена посетили Сен-Жермена в замке в Голштейне). Де Живри, суммируя содержание «Пресвятой Триносфии», отзывается о ней как о «каббализированной алхимии» и изображает Сен-Жермена «загадочной личностью восемнадцатого столетия ... алхимиком и светским человеком, который обошел все салоны Европы и кончил темницей инквизиции в Риме, если верить этому манускрипту».

Название манускрипта «La Très Sainte Trinosophie» в переводе означает «Пресвятая Триносфия» или «Пресвятое Троемудрие». Само название представляет обширное поле для размышлений. Существует ли какая-нибудь связь между «Пресвятой Триносфией» и масонским братством *тринософов*, основанным в 1805 году выдающимся бельгийским франкмасоном и мистиком Жан Мари Рагоном, уже упоминавшимся нами ранее? Окультистские познания Рагона высоко цтила Е.П. Блаватская, писавшая, что «в течение пятидесяти лет он изучал древние мистерии везде, где только мог раздобыть о них сведения». Разве не может быть, что Рагон, будучи молодым человеком, знал Сен-Жермена лично или же поддерживал связь с его тайным обществом?

Современники называли Рагона «ученейшим Масоном девятнадцатого столетия». В 1818 году он выступил с курсом лекций о древнем и современном посвящении перед Ложей *тринософов*, а в 1841 году, по просьбе той же Ложи, прочитал его еще раз. Эти лекции были опубликованы под названи-

ем «Философский и пояснительный курс о посвящениях древних и современных» («*Cours Philosophique et Interpretatif des Initiations Anciennes et Modernes*»). В 1853 году Рагон публикует свой самый значительный труд «Масонская ортодоксия» («*Orthodoxie Maconnique*»). Он умер в Париже приблизительно в 1866 году, а два года спустя «Великий Восток Франции»¹ выкупил у наследников Рагона его неоконченные манускрипты за тысячу франков. Некий масон высокой степени сообщил Е.П. Блаватской, что Рагон годами переписывался с двумя восточными жителями из Сирии и Египта, одним из которых был коптский джентльмен.

Рагон так характеризовал Ложу *тринософов*: «те, кто изучает три науки». Мадам Блаватская пишет: «Именно на основе оккультных свойств трех равных линий или сторон Треугольника воздвиг Рагон свои учения и основал знаменитое «Масонское общество *тринософов*»». Рагон описывает символизм треугольника, по существу, следующим образом: Первая сторона или линия представляет собой минеральное царство, которое надлежит изучать Подмастерьям; вторая линия являет растительное царство, которое Сотоварищи должны научиться понимать, ибо в этом царстве начинается порождение тел; третья линия представляет собой животное царство, исследованием которого Мастер масон должен закончить свое образование.

О Ложе *тринософов* им сказано следующее: «Одно время это было самое ученое общество франкмасонов из когда-либо известных. Оно следовало древним Вехам, но давало более точные и удовлетворительные интерпретации символов франкмасонства по сравнению с толкованиями символичес-

¹ Великий Восток — крупнейший масонский орден во Франции. — Прим. ред.

ких лож». В ней существовало пять степеней. Достигнув третьей, кандидат на посвящение получал философское и астрономическое объяснение легенды о Хираме.

Египтизированной интерпретация франкмасонского символизма, которая столь очевидна в работах Рагона и иных французских масонских ученых того времени (таких как Кур де Жебелэн и Александр Лемуар), также встречается в рисунках и в тексте манускрипта Сен-Жермена. В своих комментариях к Ритуалу Мисраима, получившего название Египетского Ритуала, Рагон различает 90 степеней масонских мистерий. Степени 1-33 он именует символическими; степени 34-66 — философскими; 67-77 — мистическими; а 78-90 — каббалистическими.

Египетское франкмасонство Калиостро вполне могло быть также почерпнуто от Сен-Жермена или от какого-нибудь общего органа адептов, душой которого был именно он. В мемуарах Калиостро недвусмысленно говорится, что в Орден тамплиеров его посвятил Сен-Жермен. Де Луше приводит рассказ, который современный библиограф Калиостро считает неправдоподобным — о визите, нанесенном Алессандро и его женой графиней Феличитас Сен-Жермену в Германию, и их посвящении последним в Орден розенкрейцеров, — Великим Магистром или главою которого он был. Можно предположить, что Калиостро получил «La Très Sainte Triposophie» от Сен-Жермена и что манускрипт во всех отношениях представляет собою подлинный ритуал этого общества.

Строго говоря, слово «тринософия» предпосылает тройное значение содержания этой книги, иными словами, смысл ее должен быть истолкован с помощью трех ключей. С помощью символизма можно сделать вывод, что один из этих ключей —

алхимия, или «душа-химии»; второй — каббализм эссеев и третий — александрийский герметизм, мистицизм позднейших египтян. Из тех отрывочных розенкрейцеровских знаний, что дошли до нас, становится ясно, что братья Креста Розы были особенно привержены этим трем формам древней мудрости и избрали символы этих школ проводниками своих идей.

Техническая задача расшифровки иероглифов, разбросанных по всему тексту «La Très Sainte Triposophie», была возложена на д-ра Эдварда Гетсингера, выдающегося авторитета в области древних алфавитов и языков, который сейчас расшифровывает примитивную тайнопись в Книге Бытия.

Несколько слов из его записей прекрасно иллюстрируют трудности, встречающиеся в процессе расшифровки:

«Архаические труды обычно написаны единой системой букв или иероглифов, но те из древних, кто владел священными тайнами жизни и определенных сокровенных астрономических циклов, никогда не доверяли это знание обычному письму, но изобретали тайные коды, посредством коих скрывали свою мудрость от недостойных. Каждое такое сообщество или братство просветленных придумывало свой собственный код. Приблизительно 3000 лет до Р.Хр. только посвященные и их писцы могли читать и писать.

В то время в моде были более простые методы сокрытия; один из них заключался в том, что из слов выбрасывали некоторые буквы таким образом, что оставшиеся буквы все же образовывали слово, имевшее, однако, совершенно иное значение. Проходили века, создавались новые системы, пока человеческая изобретательность, в своем стремлении сокрыть и, тем не менее, увековечить священные знания, не достигла апогея.

Чтобы расшифровать древние религиозные или философские труды, сперва необходимо узнать код или метод сокрытия, использованный писцом. За весь мой двадцатилетний опыт я, как читатель архаических писаний, никогда не встречал такие хитроумные коды и методы сокрытия, с какими столкнулся в этом манускрипте. Только в некоторых случаях законченные фразы написаны одними и теми же буквами; как правило, применены два или три вида письма, причем буквы перевернуты, переставлены или же весь текст написан в обратном порядке. Гласные часто опущены, а временами отсутствует несколько букв и только точки указывают на их число. Поначалу каждая комбинация иероглифов казалась безнадежной, и все же, спустя несколько часов алфавитного анализа, хоть одно знакомое слово да появлялось. Это давало ключ к использованному языку и выявляло место, с которого могло начинаться словосочетание, а затем постепенно раскрывалось и все предложение.

Различные тексты написаны на халдейском еврейском, ионическом греческом, арабском, сирийском, клинописью, греческими иероглифами, а также идеограммами. Лейтмотив всего повествования — приближение века, когда Нога Большого Человека и Водолей Зодиака встретятся, максимально сблизившись, в равноденствии и закончат великий 400 000-летний цикл. Это указывает на кульминацию эонов, как сказано в Апокалипсисе: «Узри, Я творю новое небо и новую землю»¹, что, по-види-

¹ В англ. издании: «Behold! I make a new heaven and a new earth». В английском тексте Апокалипсиса предложение звучит следующим образом: «And I saw a new heaven and a new earth». Фраза эта, с небольшими изменениями, присутствует в разных частях Библии: 4 Царств, 19:15; Исайя, 37:16; Иеремия, 32:17 и др. — *Прим. пер.*

мому, означает серию новых циклов и новое человечество.

Лицо, собравшее материал для этого манускрипта, было, поистине, таково, что его духовному проникновению можно только позавидовать. Несомненно, он обнаружил эти тексты в различных уголках Европы, а то, что ему было доподлинно известно об их действительном значении, явствует из его попытки сокрыть около сорока отрывочных древних текстов, разбросав их по строчкам своего труда. И все же его собственный текст, похоже, не имеет никакой прямой связи с этими древними писаниями. Если бы шифровальщик руководствовался только тем, что написал этот блестящий ученый, он никогда бы не раскрыл тайну, сокрытую в загадочных словах. Здесь можно найти чудную духовную историю, написанную этим мудрецом, — и еще одну, более удивительную, вплетенную им в контекст своего собственного повествования. В результате вышла история внутри истории».

Воспроизведение французского текста «La Très Sainte Trinosophie» представляет собой полную и точную фотостатическую копию оригинальной рукописи, хранящейся во Французской Библиотеке в Труа. Настоящий манускрипт, несомненно, является копией, как сказал «Philotaute». Архаические буквы и иероглифы написаны с незначительными погрешностями, поскольку переписчик был незнаком с теми алфавитами, которые были использованы здесь.

Обширные заметки и комментарии помещены в конце труда, дабы не нарушать целостность текста слишком частыми вставками.

«La Très Sainte Trinosophie» — манускрипт не для начинающих. Только глубокое изучение и раздумье распутают клубок его символизма. И хотя

Предисловие

сам предмет изложен весьма просто, все же каждая строчка представляет собой тайну за семью печатями. Внимательное прочтение книги и размышление над ее содержанием убедят исследователя, что она справедливо названа «ценнейшим из известных оккультных манускриптов».

М. П. Холл

Часть 1

В пристанище преступников, в темнице Инквизиции, пишет Ваш друг сии строки, долженствующие послужить Вам в назидание. При мысли о неоценимых преимуществах, кои доставит вам сей документ дружбы, ужасы долгой и незаслуженной неволи отступают... Мне приятно думать, что раб, окружённый стражниками и закованный в цепи, всё же способен вознести своего друга над могущественными — монархами, правящими сим местом изгнания.

Мой дорогой Филохат, Вы вот-вот проникните в святая святых высших наук; моя рука вот-вот приподымет для Вас непроницаемый покров, скрывающий от глаз простых людей храм, святая святых, куда Предвечный возложил тайны природы, хранящиеся для немногих удостоенных, немногих Избранных, коих Его всемогущество сотворило так, что они могут ЗРЕТЬ, а зря, могут парить вслед за Ним в необозримых просторах Его Славы и на-

правлять на человечество один из Лучей, сияющих вокруг Его золотого Трона.

Если пример вашего друга послужит для Вас полезным уроком, я благословлю долгие годы страданий, претерпеваемых мною по воле злодеев.

Два камня преткновения, равно опасных, вечно будут представлять пред Вами. Один попрал бы священные права каждого человека. Это — *злоупотребление властью*, возложенной на Вас Богом; другой, обрѣкший бы вас на гибель, — *неблагодарность*... Оба они рождены от одной матери, оба обязаны своим существованием гордыне. Человеческая слабость вскармливает их; они слепы, ведомые своей матерью. С её помощью два этих монстра заражают своим зловонным дыханием даже сердца Божьих Избранников. Горе тому, кто злоупотребляет дарами небес в угоду своим страстям. Рука Всемогущая, подчинившая ему стихии, надломит его, словно тростинку. Вечность мучений едва ли искупит его злодеяние. И адские духи будут насмехаться над слезами того, чей грозный глас столь часто приводил их в трепет в лоне их огненных глубин.

Но не для вас, Филохат, рисую я сию ужасную картину. Друг человечества никогда не станет его мучителем... Неблаго-

разумие, нестерпимая жажда вызывать удивление и восхищение — вот пропасть, сын мой, вселяющая за Вас опасения. Бог предоставляет людям труд карать неосторожного жреца, дозволяющего взору профана проникнуть в таинственную святая святых.

О, Филохат, да не изгладятся из Вашей памяти мои страдания. И я знал счастье, был осыпан благословениями небес и окружён такою властью, что человек не в силах даже и вообразить. Повелевая гениями, мир направляющими, счастливый в счастье, мною сотворённом, я наслаждался в лоне обожаемой семьи блаженством, что даруется Предвечным любимым чадам Своим. Но единый миг разрушил всё. Я заговорил, и всё это растворилось словно облако. О сын мой, да не последуете Вы по моим стопам... Пусть ни одно тщеславное желание блистать перед людьми не навлечёт на Вас беду... Подумайте обо мне, Вашем друге, пишущем вам из сей темницы, всё тело коего искалечено пытками!

Помните, Филохат, что рука, выводящая буквы эти, несёт на себе следы оков, её отягощающих. Бог наказал меня, но что я сделал жестоким этим людям, что они так мучают меня? Какое они имеют право допрашивать жреца Предвечного?

Они испытывают у меня, каковы доказательства моей миссии. Свидетели мои — чудеса, а адвокаты суть мои достоинства: добродетельная жизнь и чистое сердце. Но что я говорю! Вправе ли я ещё жаловаться? Я заговорил, и Господь предал меня, лишённого силы и власти, ярости ненасытного фанатизма. Рука, некогда могущая уничтожить целое воинство, ныне едва может поднять оковы, её тяготящие.

Мысли мои блуждают. Я должен возблагодарить извечную Справедливость... Бог карающий простил Своё кающееся дитя. Воздушный дух проник сквозь стены, отделяющие меня от мира; он предстал предо мною в сиянии света и определил срок заточения моего. Через два года страдания мои прекратятся. Мучители мои, войдя ко мне в камеру, найдут её пустою, и вскоре, очищенный четырьмя элементами, чистый как гений огня, я вновь обрету восхитительное достоинство, в кое возвела меня Божественная благодать. Но как далеко ещё то время! Какими долгими кажутся два года тому, кто проводит их в страдании и унижении. Не довольствуйся тем, что я претерпеваю чудовищные муки, мучители мои изобрели ещё более суровые, ещё более отвратительные средства пыток. Они на-

влекли позор на мою голову и запятнали моё доброе имя. Чада человеческие в ужасе отступаются, случись им приблизиться к стенам моей темницы; они боятся, как бы какие-нибудь смертоносные пары не просочились из узкой щели, несмотря пропускающей луч света в мою камеру. Это, о Филохат, жесточайший удар из тех, которые они могли на меня обрушить.

Мне неизвестно, попадёт ли сей документ в Ваши руки... Но насколько трудно будет изобрести способ, чтобы вынести его из сего места пыток, можно судить по тем трудностям, с которыми я столкнулся при его написании. Лишённый всякой помощи, я сам составил необходимые мне компоненты. Пламя моей лампы, несколько монет и немного химических веществ, ускользнувших от пристального взора моих мучителей, создали цвета, украшающие сей плод досуга узника.

Воспользуйтесь наставлениями Вашего несчастного друга! Они столь чисты, что им нельзя попадать в чужие руки... Помните только, что все они должны послужить Вам... малопонятная строчка, опущенная буква воспрепятствуют Вам поднять покров, брошенный на Сфинкса рукой Создателя.

Прощайте, Филохат! Не оплакивайте меня. Милосердие Предвечного равносильно Его справедливости. На первом же тайном собрании Вы вновь увидите своего друга. Я приветствую Вас именем Бога. Вскоре я поцелую своего брата поцелуем мира.

Часть 2

Была ночь. Луна, окутанная тёмными тучами, бросала мерцающий свет на глыбы лавы, окаймлявшей Сольфатару. С наброшенным на голову льняным покрывалом, держа в руках золотую ветвь, я бесстрашно продвигался к тому месту, где мне было велено провести ночь. Я ошупью ступал по горячему песку, ежеминутно проваливавшемуся под моими ногами. Над головой моей стужались тучи. Во тьме сверкала молния, придавая пламени вулкана кровавый вид. Наконец, я добрался до места и обнаружил железный алтарь, куда и возложил таинственную ветвь... Я произношу страшные слова... тотчас же под моими ногами дрожит земля, гремит гром... Везувий ревёт в ответ на повторяющиеся удары; огни его сливаются с огнями молнии... Хоры гениев взмывают в воздух, и эхо подхватывает их хвалы Создателю... Освящённая ветвь, возложенная мною на треугольный алтарь, неожиданно возгорается.

Густой дым обволакивает меня. Я перестаю видеть. Окутанный тьмою, я, как мне кажется, низвергаюсь в пропасть. Я не знаю, сколь долго пребывал я в этом состоянии. Когда же открыл глаза, то тщетно искал предметы, окружавшие меня ранее. Алтарь, Везувий, окрестности Неаполя скрылись из виду. Я был в огромной каверне, один, вдали от всего мира...

Возле меня лежало длинное белое платье; его редко сотканная ткань казалась мне льняной. На гранитном валуне стояла медная лампада на чёрном столе, испещрённом греческими словами, указующими путь, коему я должен был следовать. Я взял лампаду и, облачившись в платье, вступил в узкий проход, стены коего были выложены чёрным мрамором... Он тянулся три мили, и шаги мои жутко раздавались под его безмолвным сводом. Наконец, я обнаружил дверь, ведущую на ступеньки, по которым я спустился. Продолав долгий путь, я, как мне казалось, узрел перед собой блуждающий огонёк. Я спрятал лампаду и устремил взгляд на предмет, увиденный мельком. Он растворился, исчезнув словно тень.

Не укоряя прошлое, не страшась будущего, я продолжил свой путь. Дорога становилась всё труднее и труднее... неиз-

менно проходя через галереи, состоявшие из чёрных каменных глыб... Я не осмеливался строить догадки относительно длительности моего подземного странствия. Наконец, после долгого, очень долгого пути, я подошёл к квадратной комнате. Двери посреди каждой из четырёх её сторон растворились; они были разного цвета, и каждая помещалась в направлении одной из четырёх сторон света. Я вошёл через северную дверь, коя была чёрной; противоположная ей была красной; дверь, обращённая к востоку — голубой, а та, что напротив неё — ослепительно белой...

Посреди сей комнаты находилась кубическая глыба; на ней, в центре, сияла хрустальная звезда. На северной стороне была нарисована картина, изображавшая обнажённую до талии женщину; чёрная ткань ниспадала с её колен, и две серебряные ленты украшали её одеяние. В руке своей она держала жезл, касаясь им чела человека, стоявшего позади стола с одной ножкой, на коем лежали чаша и острие копья. Внезапно из-под земли вырвалось пламя и, похоже, устремилось к сему человеку. Одна надпись объясняла эту картину, а другая указывала на способы, кои я должен был применить, чтобы покинуть эту комнату.

Рассмотрев картину и звезду, я собрался было пройти через красную дверь, как вдруг, повернувшись с ужасающим шумом на своих петлях, она закрылась прямо передо мной. Я попробовал выйти через дверь небесно-голубого цвета; она не затворилась, но внезапный шум заставил меня обернуться. Я увидел, как вспыхнула звезда, воспарила со своего места, описала круг, а затем стремительно пролетела через приоткрытую белую дверь. Я тотчас же последовал за нею.

Часть 3

Поднялся сильный ветер, и мне с трудом удавалось поддерживать огонь лампы. Наконец я увидел белый мраморный помост, на который и взобрался по девяти ступенькам. Взойдя на последнюю, я узрел бескрайнюю гладь воды. Справа до меня доносился шум водопада; слева, близ меня, шёл ледяной дождь с градом. Я созерцал сей величественный пейзаж, как вдруг звезда, что привела меня к помосту и медленно раскачивалась над головой, низринулась в пучину.

Полагая, что я читаю повеления Всевышнего, я сам ринулся в глубь волн. Незримая рука схватила мою лампаду и возложила её мне на темя. Я боролся с пенящейся волной и пытался достичь берега, противоположного тому, что был покинут мною. Наконец, на горизонте, я заметил слабый свет и устремился вперёд. Пот струями стекал по моему лицу, и я изнурял себя тщетными усилиями. Берег, который был едва различим, похоже, уда-

лялся ровно настолько, насколько я приближался к нему. Силы мои угасали. Я страшился не самой смерти, но смерти без озарения... Я вовсе утратил мужество и, воздев ко своду очи, из коих ручьём лились слёзы, воскликнул: «JUDICA JUDICIUM MEUM ET REDIME ME, PROPTER ELOQUIUM TUUM VIVIFICA ME»¹.

Я с трудом передвигал своими уставшими конечностями и утопал всё глубже и глубже, как вдруг недалеко от себя увидел ладью. Ею правил богато одетый человек. Я заметил, что нос её был обращён к берегу, мною покинутому. Он приближался. На челе его сияла золотая корона. «VADE ME CUM, — произнёс он, — MECUM PRINCIPIUM IN TERRIS, INSTRUAM TE IN VIA HAC QUA GRADUERIS»². Я тотчас же ему ответил: «BONUM EST SPERARE IN DOMINO QUAM CONSIDERE IN PRINCIPIBUS»³. После чего лодка пошла ко дну, а вместе с нею и монарх.

Казалось, свежие силы растеклись по моим жилам, и я достиг цели своих усилий. Я очутился на берегу, устланном зелёным песком. Предо мной возвышалась

¹ «Суди суждение моё и спаси меня, красноречие твоё да оживит меня». (Лат.)

² «Идём со мною, со мною, наипервейшим в мире; Я укажу тебе путь, коему ты должен следовать». (Лат.)

³ «Лучше ввериться Господу, нежели восседать среди могущественных». (Лат.)

серебряная стена, инкрустированная двумя табличками из красного мрамора. Приблизившись, я заметил на одной из них священные письмена, на другой — выгравированную строчку из греческих букв; две пластины разделялись железным кругом. Два льва, — один красный, другой чёрный, — покоились на облаках и, казалось, стерегли золотую корону над ними. Возле круга также виднелись лук и две стрелы. Я прочёл несколько иероглифов, начертанных на боку одного из львов. Едва я разглядел сии разнообразные эмблемы, как вдруг все они исчезли, вместе со стеной, их вмещавшей.

Часть 4

Вместо неё взору моему предстало озеро пламени. В его огненных волнах покачивались сера и горная смола. Меня охватила дрожь. Громкий глас повелел мне идти сквозь пламя. Я повиновался, и огонь, казалось, утратил силу свою. Долго шёл я сквозь сей полыхающий огонь. Достигнув круглого помещения, я созерцал великолепный вид, коим, милостью небес, дано мне было насладиться.

Сорок огненных колон украшали залу, в коей я очутился. Одна сторона колонн блистала белым, живым огнём, другая же, казалось, была окутана тенью; черноватое пламя устилало её. Посреди сего места стоял алтарь в виде змия. Зеленоватого отлива золото красило его ромбовидную чешую, в коей отражалось окружающее его пламя. Глаза его походили на рубины. Недалеко от него виднелась серебряная надпись, и роскошный меч был вонзён в землю возле змия, на чьей голове покоилась чаша... Я внимал хору не-

бесных духов, и глас возвестил мне: «Конец твоих мучений близок. Возьми меч и порази змия».

Я вынул меч из ножен и, приблизившись к алтарю, одною рукой взял чашу, а другою сильно ударил о шею змия. Меч отскочил, а удар отозвался эхом, будто ударил я в медный колокол. Не успел я исполнить повеление гласа, как алтарь исчез, а сами колонны растворились в безграничном пространстве. Звук, услышанный мною, когда я ударил об алтарь, разнёсся тысячью ударами, словно обрушенными одновременно. Рука схватила меня за волосы и вознесла ко своду, разверзшемуся, чтобы пропустить меня.

Призрачные фантомы предстали мне — гидры, ламии и змеи окружали меня. Вид меча в моей руке разогнал мерзкое скопище, подобно тому, как первые лучи света рассеивают сновидения — бранных детей ночи. Поднявшись прямо наверх сквозь пласты, составлявшие стены шара, я вновь узрел дневной свет.

Часть 5

Едва поднялся я на поверхность земли, как мой незримый водитель понёс меня ещё быстрее. Скорость, с которой мы пронеслись сквозь пространство, не может сравниться ни с чем. Вмиг скрылись из виду равнины подо мною. С удивлением я заметил, что вышел из недр земных намного дальше окрестностей Неаполя. Пустыня и несколько глыб треугольной формы были единственными предметами, что я мог разглядеть. Вскоре, несмотря на испытания, мною пройденные, страх вновь обуял меня. Земля казалась мне лишь туманным облаком. Я был вознесён на огромную высоту. Мой невидимый водитель низринул меня, и я вновь полетел вниз. Довольно долго катился я кубарем сквозь пространство; вот уже пред моим помутневшим взором распростёрлась земля... я мог сосчитать, через сколько минут разобьюсь о скалы. Но стремительно, как сама мысль, вожатый мой бросается ко мне, хватая меня, сно-

ва возносит и вновь низвергает меня. Наконец, он поднял меня на неизмеримую высоту. Я зрел шары, вращающиеся вокруг меня, и земли, движущиеся по орбите у ног моих. Вдруг дух, меня нёсший, коснулся глаз моих, и я лишился чувств. Не знаю, сколь долго пребывал я в этом состоянии.

Проснулся я, лёжа на роскошной подушке; воздух, вдыхаемый мною, был насыщен ароматом цветов... Голубое платье, усеянное золотыми звёздами, сменило моё льняное одеяние. Напротив меня стоял жёлтый алтарь, откуда воздымалось чистейшее пламя, и не было ни единого вещества, чтобы питать его, кроме самого алтаря. У основания алтаря выравнены были чёрные буквы. Позади него стоял зажжённый факел, блиставший, подобно Солнцу. Над ним парила птичка с чёрными лапками, серебряным туловищем, красной головкой, чёрными крылышками и золотой шейкой. Она всё время была в движении, хотя и не пользовалась своими крыльями. Она могла летать только когда находилась в пламени. В клювике своём она держала зелёную ветвь; имя её:

название алтаря:

ع'ج

Алтарь, птичка и факел суть символы всего сущего. Ничто нельзя свершить без них. Сами они есть всё благое и великое. Название факела таково:

نہج زئی

Четыре надписи окружали сии разные эмблемы.

Часть 6

Я свернул в сторону и заметил огромный дворец, основание коего покоилось на облаках. Он весь был из мрамора и треугольной формы. Четыре яруса колонн возвышались друг над другом. Золотой шар венчал сие величественное здание. Первый ярус колонн был белым, второй — чёрным, третий — зелёным, а последний — ослепительно красным. Налюбовавшись сим произведением бессмертных архитекторов, я собирался вернуться во дворец, где были алтарь, птица и факел; я жаждал изучать их дальше. Но они исчезли; я искал их взором, когда дверь дворца распахнулась.

Вперёд выступил почтенный старец, облачённый в то же платье, что было на мне, только на груди у него блистало золотое солнце. В своей правой руке он держал зелёную ветвь, в другой — кадило. Деревянная цепь висела у него на шее, а остроконечная тиара, подобная тиаре Зороастра, украшала его седую го-

лову. Он приблизился ко мне, доброжелательная улыбка сияла на его устах. «Возлюби Бога, — сказал он мне на персидском, — это Он поддерживал тебя в испытаниях твоих; Дух Его был с тобою. Сын мой, ты упустил благоприятную возможность. Если бы ты сразу схватил птицу

פֶּתִיל

факел

מִזְבֵּחַ

и алтарь

אֶלְטָרָה

ты бы тотчас же стал и алтарем, и птицей, и факелом. Теперь же, дабы попасть в самые сокровенные пределы Дворца высших наук, тебе придётся обойти все окольные пути. Идём... Я должен прежде всего представить тебя своим собратьям». Он взял меня за руку и ввёл в просторную залу.

Воображение плебея меркнет перед формой и богатством орнаментов, её украшавших. Триста шестьдесят колонн окаймляли её со всех сторон. С золотого

кольца на потолке свисал крест из красного, белого, синего и чёрного цветов. Посреди залы стоял треугольный алтарь, состоявший из четырёх элементов; на трёх его углах помещались птица, алтарь и факел. «Названия их теперь изменились», — произнёс мой водитель. Здесь птица именуется:

אֶמְפִּירֵבָא

алтарь:

בְּהֵנָא

а факел:

גִּפְרִיָּה

Зала величается:

אֶלְטָרָה

а треугольный алтарь:

ΑΘΑΝΩΡ

Вокруг алтаря стоял восемьдесят один трон, к каждому из коих вели по девять

ступенек различной высоты, причём лесенки были устланы красными коврами.

Пока я разглядывал троны, раздался трубный звук, после чего двери залы

𐤅𐤆

повернулись на своих петлях, дабы впустить семьдесят девять персон, облачённых так же, как и мой водитель. Медленно приблизились они и воссели на троны, тогда как вожатый мой стоял рядом со мной. Старец, выделявшийся среди своих собратьев пурпурной мантией, кромка коей была испещрена вышитыми иероглифами, поднялся, и водитель мой, обращаясь к ним на священном языке, возгласил: «Узрите одного из наших чад, кто волею Божией должен стать столь же великим, как и его праотцы». — «Да исполнится воля Господня», — отвечивал старец и, повернувшись ко мне, промолвил: «Сын мой, срок твоих физических испытаний истёк... Но тебе предстоят долгие странствия. Отныне именем твоим будет:

אלמא

Прежде чем вступишь ты в сие величественное здание, каждый из моих восьми

собратьев и я одарим тебя подарком». Он подошёл ко мне и с поцелуем мира даровал куб с серою землёй, называемый:

חֶמֶד

второй подарил мне три цилиндра из чёрного камня, называемые:

קבר

третий — маленький кусочек круглого кристалла, называемый:

זכא

четвёртый — гребень из синих перьев, именуемый:

אשורשק

пятый присовокупил серебряную вазу, на коей было начертано имя:

בשם

шестой даровал мне виноградную гроздь, известную мудрецам под именем:

בנוח רשע

седьмой преподнёс мне фигурку птицы, схожую по форме с

קקק

но лишённую её яркой окраски; и была она серебряной. «У неё то же имя, — сказал он мне, — тебе надлежит наделить её теми же добродетелями». Восьмой даровал мне небольшой алтарь, походящий на алтарь:

נפרת

Наконец, мой водитель вложил мне в руку факел, состоящий, подобно

פרה

из блистающих частиц; однако он не был зажжён.

«Тебе, — добавил он, — надлежит наделить его добродетелями, как и его предшественников». «Размышляй над сими дарами, — произнёс затем глава мудрецов. — Все они равно ведут к совершенству, но ни один из них не совершен сам по себе. Именно из их сочетания рождается божественный продукт. Также знай, что все они ничто, если ты приме-

няешь их не в той последовательности, в коей получил. Второй, без коего невозможно использовать первый, останется лишь грубой материей без тепла и без пользы, доколе, в свою очередь, к нему не присовокупится следующий. Тщательно охраняй дары, тебе вручённые, и отправляйся в свои странствия после того, как изопьёшь из чаши жизни». Затем он протянул мне хрустальную чашу с сияющей жидкостью цвета шафрана; она была очень приятна на вкус и источала тончайший аромат.

Я уже собирался вернуть ему ту чашу, омочив губы жидкостью, как старец молвил: «Выпей её всю; она будет твоей единственной пищей во время странствий». Я повиновался и ощутил, как божественный огонь растекается по фибрам всего моего существа. Я стал сильнее, отважнее; даже мои интеллектуальные способности, казалось, удвоились.

Я поспешил произнести приветствие мудрецов величественному собранию, кое я собирался покинуть, и по повелению своего вожатого вступил в длинную галерею по правую руку от меня.

Часть 7

У входа в сию галерею стояла овальная стальная купель, наполнившаяся, при моём приближении, кристально прозрачной водой, очищенной мелким белым песком. Купель покоилась на трёх латунных ножках. На чёрной табличке, со стороны, обращённой к двери, было выгравировано несколько букв. Около купели лежало льняное покрывало, а над купелью две зелёные мраморные колонны поддерживали круглую мраморную пластину. На ней можно было разглядеть священную печать, окружённую двумя надписями и состоящую из четырёхцветного креста, прикреплённого к золотой перекладине, держащей с обеих сторон по два концентрических круга; те, что побольше, были чёрного цвета, а поменьше — красного. К одной из колонн был прилажен серебряный топор с синей рукоятью; он назывался:

קלקנתתם

Прочтя надписи, я подошёл к купели и омылся, вымыв сначала руки, а затем погрузившись в неё всем телом. Я оставался в ней три дня, а выйдя из воды, увидел, что она утратила свою прозрачность. Песок её стал сероватым, а в жидкости плавали частицы цвета ржавчины. Я попытался вытереться льняным покрывалом, но свежие капли воды неизменно появлялись на месте тех, что впитывала в себя льняная ткань. Я отказался от попытки вытереться покрывалом и, держась в тени, пребывал в ней недвижимо целых шесть дней. В конце этого срока источник сих вод иссяк. Я обнаружил, что обсох и стал более лёгким, хотя силы мои, казалось, приумножились.

Немного пройдясь, я вернулся к купели. Вода, наполнявшая её, испарилась. Её место заняла красноватая жидкость; песок был серым и металлическим. Я вновь искупался в ней, следя, однако, за тем, чтобы не оставаться в ней более нескольких минут. Выйдя из неё, я заметил, что впитал в себя часть этой жидкости. На сей раз я не пытался вытереться покрывалом, ибо жидкость, коей я был пропитан, была столь едкой, что мгновенно уничтожила бы ткань. Я очутился на другом конце галереи, распростёртым на ложе из теплого песка, где и провёл семь

дней. По истечении сего срока я вернулся к купели. Вода была такой же, какой предстала моему взору вначале. Я ещё раз погрузился в неё и, тщательно омывшись, вышел. На сей раз я вытерся без труда. Наконец, очистившись в соответствии с полученными мною наставлениями, я собрался оставить сию галерею, где провёл шестнадцать дней.

Часть 8

Я покинул галерею через низкую и узкую дверь и вошёл в круглую комнату, панель коей была сделана из золы и древесины сандалового дерева. В дальнем конце комнаты, на пьедестале, образованном стволом виноградной лозы, лежала масса белой блистающей соли. Над нею висела картина, изображающая увенчанного короною белого льва и гроздь винограда; оба лежали на подносе, удерживаемом в воздухе дымом горячей жаровни. Справа и слева от меня распахнулись двери, одна из коих выходила на засушливую равнину. Над ней непрерывно веял сухой и знойный ветер. Другая дверь вела к озеру, в самом конце коего виднелся чёрный мраморный фасад.

Я приблизился к алтарю и взял в руки немного белой блистающей соли, именуемой мудрецами:

בְּנוֹחַ רֵשֶׁת

и умастил ею всё своё тело. Я пропитал себя ею и, прочитав иероглифы, сопровождавшие картину, собрался покинуть сию залу. Сперва я вознамерился было выйти через дверь, ведущую на равнину, но оттуда исходили знойные пары, и я предпочёл тропу напротив. У меня была свобода выбора, с условием, правда, не сходить с выбранной тропы... Я решил переплыть озеро. Воды его были мрачными и недвижимыми. На некотором расстоянии я отчётливо разглядел мост, называемый:

اشتاك نس

Чтобы добраться до него, я должен был идти по извилистому берегу, устланному камнями, и я счёл за лучшее переплыть озеро. Я вошёл в густую, как цемент, воду и обнаружил, что мне незачем было плыть, ибо ноги мои везде касались дна. Я шёл по озеру тринадцать дней. Наконец, я достиг другого берега.

Часть 9

Земля была такой же тёмной, как и вода, чрез которую я прошёл.

Едва различимый склон привёл меня к подножию здания, замеченного мною издали. На его длинном квадратном фасаде было высечено несколько букв, подобных тем, коими пользовались жрецы древней Персии.

Всё здание было сооружено из необработанного чёрного базальта. Двери из древесины кипариса отверзлись, чтобы меня впустить. Неожиданно поднялся тёплый влажный ветер и втокнул меня на середину комнаты, одновременно затворив за мною двери... Я пребывал во тьме, но постепенно глаза мои привыкли к слабому свету, царившему в сем помещении, так что я мог различать окружающие меня предметы. Свод, стены и пол комнаты были чёрными, как само эбеновое дерево. Две стенные росписи приковали моё внимание.

Одна изображала коня, вроде того, что, по описаниям наших поэтов, послужил падению Трои. Из зияющих боков его торчал человеческий труп.

Вторая являла человека, давно почившего. Мерзкие насекомые, плод гниения, роились на его лице, пожирая вещество, их породившее. Одна рука мертвеца, лишённая плоти, уже обнажала кости. Человек, облачённый в красное и стоящий возле трупа, силился поднять его. На челе его сияла звезда, а ноги обуты были в высокие ботинки со шнуровкой. Сверху, посреди и внизу этой картины помещались три чёрные таблички с начертанными на них серебряными иероглифами. Прочитав их, я коротал время, прогуливаясь по зале, где должен был провести девять дней.

В тёмном углу я обнаружил кучу чёрной земли, тучной и насыщенной животными частицами. Я уже собрался было взять горсть сей земли, как громкий глас, подобный трубному звуку, воспретил мне это, возвестив: «Земля сия пролежала в зале этой всего восемьдесят семь лет. Когда истекнут ещё тринадцать лет, ты и иные чада Божии смогут ею воспользоваться».

Глас умолк, но его последние раскатистые звуки долго ещё вибрировали в сем

храме безмолвия и смерти. Пробыв в нём ровно столько, сколько предписывалось, я вышел через дверь, противоположную той, чрез которую вошёл. Я вновь узрел свет, но он не был настолько сильным, чтоб утомить моё зрение, привыкшее к темноте.

Я с удивлением заметил, что, дабы добраться до других зданий, мне надо было пересечь озеро, более широкое, нежели первое. Восемнадцать дней брёл я в воде. Мне припомнилось, что когда я переходил первое озеро, воды его всё более темнели и сгущались по мере того, как я продвигался. Воды же этого озера, наоборот, становились всё прозрачнее и прозрачнее, чем больше я приближался к берегу.

Платье моё, сделавшееся во дворце столь же чёрным, как и его стены, казалось мне сероватого цвета. Постепенно оно восстановило цвета свои; однако не стало всецело синим, но скорее походило на изумительный зелёный.

По прошествии восемнадцати дней я взобрался на берег с помощью белого мраморного помоста.

Название залы таково:

первого озера:

צחן ראש

второго:

צחן אחריה .

Часть 10

Вдали от берега великолепный дворец вознёс в поднебесье свои алебастровые колонны; портики цвета пламени соединяли различные части его. Архитектура сего величественного здания была легкой и воздушной. Приблизившись к порталам, я увидел фигурку бабочки, украшавшую фасад. Двери были отворены... я вошёл. Весь дворец состоял из одной-единственной залы... окружённой тройной колоннадой, причём каждый ряд заключал в себе двадцать семь алебастровых колонн.

Посреди здания находилась фигура человека, восстающего из гробницы. Рука его, держащая копье, ударяла о камень, что прежде его заточил. Чресла его перепоясаны были зелёною тканью; кромка сего одеяния сверкала золотом. На груди его была квадратная табличка, содержащая несколько букв. Над фигурой сей висел золотой венец, а сама фигура, казалось, вздымалась в воздух, стремясь схва-

тить его. Над нею помещалась жёлтая каменная табличка с несколькими символами, кои я истолковал с помощью надписи, увиденной мною на гробнице, а также той, что я разглядел на груди человека.

Я пробыл в сей зале, называемой:

پلسان اژن

ровно столько, сколько было необходимо для созерцания всех проходов, и вскоре покинул её с намерением пересечь обширную равнину, дабы достичь башни, замеченной мною издалека.

Часть 11

Едва спустился я по ступенькам дворца, как увидел пред собой взмахивающую крыльями птицу, похожую на

אםפירכא

но у этой, однако, помимо её собственных, были ещё и два крыла бабочки. Глас, раздавшийся из облака, повелел мне схватить и пригвоздить её, и я ринулся за нею. Она не летела, но использовала свои крыла, чтобы бежать со стремительной скоростью. Я преследовал её; она бежала прямо передо мной и вынудила меня обежать равнину несколько раз. Я гнался за нею без остановки. Наконец, после девятидневного преследования, я загнал её в башню, увиденную мною издали, когда я покидал

אחז

Стены сего величественного здания были железными. Тридцать шесть колонн из того же металла поддерживали его. Интерьер был из точно такого же материала, инкрустированного сверкающей сталью. Основания башни были сооружены таким образом, что глубина их под землею дважды превышала высоту их над земной твердью. Едва птица вбежала в это помещение, как её пронизал ледяной холод. Тщетно пыталась она пошевелить своими онемевшими крыльями. Она всё ещё взмахивала ими, стараясь убежать, но так слабо, что я настиг её с величайшей лёгкостью.

Я схватил птицу и, вонзив стальной гвоздь

בַּרְחָה נִחַשׁ

в её крылья, прибил её к полу башни с помощью молота, называемого:

אֶרְכָּב

Едва я закончил, как птица обрела новые силы. Правда, она не двигалась, но глаза её засияли подобно топазу. Я взирал на неё, когда внимание моё привлекла группа фигур в центре залы. Одна из них

являла красивого человека в расцвете сил. В руке своей он держал жезл, вокруг коего обвились два змия. Юноша этот старался спастись от более крупного и могучего человека, носившего пояс и железный шлем, увенчанный развевающимися красными перьями. Возле него, на небольшом круглом щите, испещрённом иероглифами, лежал меч. Вооружённый человек держал в руке тяжёлую цепь, коей он сковал ноги и туловище юноши, тщетно пытавшегося убежать от своего ужасного врага. На двух красных табличках начертаны были некие иероглифы.

Я вышел из башни и, отворив дверь промеж двух колонн, очутился в просторной зале.

Часть 12

Зала, куда я только что вступил, была совершенно круглою. Она напоминала интерьер шара, состоящего из твёрдого и прозрачного вещества, наподобие кристалла, так что свет струился со всех сторон. Нижняя часть её покоилась на огромном бассейне, наполненном красным песком. Приятная и умеренная жара царилла в этом круглом помещении. Мудрецы величают сию залу:

זלררל ו

Бассейн с песком, поддерживающий её, называется:

אשח חרלית

С удивлением оглядывал я сей кристаллический шар, когда новое явление привело меня в восхищение. Из пола залы вздымался мягкий пар, влажный и шаф-

раново-жёлтый. Он окутал меня, нежно приподнял и в течение тридцати шести дней возносил меня к верхней части шара. После чего пар рассеялся. Я понемногу опускался и, наконец, вновь оказался на полу. Платье моё изменило свой цвет. Когда я вошёл в залу, оно было зелёным, теперь же стало блистающе красным. Песок, на коем зиждился шар, также изменился. Красный цвет его постепенно претворился в чёрный. По окончании своего восхождения, я оставался в сей зале ещё три дня.

По истечении сего времени я покинул её и вошёл в просторное место, окружённое колоннадами и золочёными портиками. Посреди стоял бронзовый пьедестал, поддерживающий группу фигур. Одна из них изображала сильного человека, чья величавая голова была покрыта увенчанным короной шлемом. Сквозь колечки его золотых доспехов проступало синее одеяние. В одной руке он держал белый жезл, содержащий некие иероглифы, другая же была простерта к прекрасной даме. На спутнице его не было одежд, но в груди её сияло солнце. В правой руке она держала три шара, соединённые золотыми кольцами; диадема из красных цветов обрамляла её чудные волосы. Она воспаряла ввысь и, казалось, возносила

вместе с собою и воина, что её сопровождал; их обоих несли облака, окружавшие всю группу. На капители четырех белых мраморных колонн расположились четыре бронзовые статуи; они были наделены крыльями и, казалось, трубили в трубы.

Я пересёк сие место и, взобравшись на мраморный помост, возвышавшийся предо мною, с удивлением заметил, что вновь попал в Тронную залу (где я впервые оказался, когда вошёл во Дворец Мудрости). Треугольный алтарь всё ещё стоял в середине залы, но птица, алтарь и факел слились воедино и составляли одно целое. Неподалеку от них блистало золотое солнце. Меч, принесённый мною из залы огня, возлежал в нескольких шагах, на подушке одного из тронов; я взял в руки меч и ударил о солнце, обратив его в пыль. Затем я прикоснулся к ней и каждая молекула превратилась в золотое солнце, подобное разбитому мною. Тотчас же громкий и мелодичный глас воскликнул: «Отличная работа!» Услышав сие, дети света поспешили ко мне присоединиться, двери бессмертия отверзлись мне, и облако, застилающее очи смертных, рассеялось.

Я ЗРЕЛ, и духи, что стихиями повелевают, почитали меня своим властелином.

[1]

C'est dans l'apite des crimaux
dans les cathèdes de l'Inquisition, que
vous avez vu ces lignes qui s'écrit
dans les livres sacrés, en langue
qui n'est pas compréhensible par nous.

[2]

vous s'adoucir les horreurs d'une captivité
aussi longue que peu méritée... j'ai du
plaisir à penser qu'environné de
gardes, chargé de fers, un esclave peut
encore élever son ami au dessus des
quissants, des monarques qui gouvernent
ce lieu d'exil.

Vous allez pénétrer mon cher
Philobate dans le sanctuaire des
sciences sublimes, ma main va lever
pour vous le voile impénétrable qui
dérobe aux yeux du vulgaire, le
tabernacle, le sanctuaire ou l'éternel
deposait les secrets de la nature, secrets
qu'il réserve pour quelques-uns privilégiés,
pour les Elus que sa toute-puis-

[3]

rance, créés pour **VOIR** pour planer à sa suite dans l'immensité de sa Gloire, et détourner sur l'espèce humaine un des Rayons qui brillent au tour de son Trône d'or.

Puisse l'exemple de votre ami être pour vous une leçon salutaire et je bénirai les longues années d'épreuves que les méchants m'ont faites subir.

Deux écueils également dangereux se présenteront sans cesse sur vos pas l'un outragerais les droits sacrés de chaque individu c'est l'Abus du pouvoir que **DIEU** vous aurait confié, l'autre causerais votre perte c'est l'Indiscrétion tous deux sont nés

[4]

d'une même mère, tous deux deviennent l'existence à l'Orgueil, la faiblesse humaine les allaite, ils sont aveuglés, leur mère les conduit, par son secours ces deux Monstres, vont porter leur souffle impur jusque dans les cœurs des **Elus** du très haut malheur à celui qui abuserois des dons du ciel pour servir ses passions la main toute puissante qui lui soumit les Elements, le briseras comme un faible Roseau une éternité de tourmens pourrais à peine expier son crime les Pyrites Infernaux souriroient avec dédain aux pleurs de l'être dans la voie menaçante les fit si

[5]

souvent trembler au sein de leurs
abîmes de feu.

Ce n'est pas pour vous —
Philochate que j'esquissai ce tableau
effrayant, l'ami de l'humanité ne
deviendra jamais son persécuteur
mais l'indiscretion, mon fils ce besoin
impérieux d'inspirer l'étonnement,
l'admiration, voilà le précipice que
je redoute pour vous. **D**ieu laisse
aux hommes le soin de punir le ministre
imprudent qui permet à l'œil du
dépouillé de pénétrer dans le sanctuaire
mystérieux. Ô Philochate que mes
malheurs soient sans cesse présents
à votre esprit, & moi aussi j'ai connu

[6]

le bonheur, comblé des bienfaits du ciel —
entouré d'une puissance telle que l'entende-
ment humain ne peut la concevoir —
commandant aux génies qui dirigent
le monde, heureux du bonheur que je
faisais naître, je goûtais au sein —
d'une famille adorée la félicité que
l'Éternel accorde à ses enfants chéris —
un instant à tous détruit, j'ai parlé
et tout s'est évanoui comme un
nuage, ô mon fils ne suivez pas mes
traces qu'un vain désir de briller —
aux yeux du monde ne cause pas
aussi votre perte pensez à moi, —
c'est dans un cachot, le corps brisé
par les lanières que votre ami vous

[7]

brins; Philocles réfléchissez que la main
 qui trace ces caractères porte l'empreinte
 des fers qui l'écablent... Dieu, mais
 puni, mais qu'ai-je fait aux hommes
 cruels qui me persécutent? Quel
 droit ont-ils pour interroger le
 ministre de l'Éternel? ils me de-
 mandent quel est sans les preuves de
 ma mission, mes témoins de mes
 prodiges, mes défenseurs mes vertus,
 une vie intacte, un cœur pur, que
 dis-je ai-je encore le droit de mes-
 phéindre, j'ai parlé le très haut
 au libre sans force, et sans puis-
 sance, aux fureurs de l'aveugle fanatisme,
 le bras qui jadis pouvoit rendre

[8]

une armée, puis à peine aujourd'hui
 soulever les chaînes qui l'appesantissent.
 Je mégare je dois rendre grâce
 à l'éternelle Justice... le dieu ven-
 geur a pardonné à son enfant
 repentant un esprit. Rien à
 franchir les murs qui me séparent
 du monde; resplendissant de lumi-
 ère, il s'est présenté devant moi.
 il a fixé le terme de ma captivité,
 dans deux ans mes malheurs finiront.
 mes bureaux en entrant dans mon
 cachot le trouveront déserts et
 bientôt purifiés par les éléments
 pur comme le génie du feu je
 reprendrai le rang glorieux ou la

[9]

bonté Divine, ma élevé mais combien ce terme est encore éloigné combien deux années paraissent longues à celui qui les passe dans les souffrances, dans les humiliations, non contents de me faire souffrir les supplices les plus horribles mes persécuteurs ont employé pour me tourmenter des moyens plus sûrs plus odieux encore, ils ont appelé l'infamie sur ma tête, ils ont fait de mon nom un objet d'opprobre, les enfants des hommes reculent avec effroi quand le hazard les a faits approcher des murs de ma prison, ils craignent qu'une vapeur mortelle ne s'échappe par

[10]

ouverture étroite qui laisse passer — comme à regret un rayon de lumière dans mon cachot. Ô Philocalé — c'est là le coup le plus cruel dont ils pouvoient m'accabler

Ignore encore si je pourrai vous faire parvenir ces ouvrages . . . Je juge des difficultés que j'éprouverai pour le faire sortir de ce lieu de tourmens, par celles qu'il a fallu vaincre pour le terminer, privé de tous secours j'ai moi même composé les agens qui m'étaient nécessaires. Le feu de ma lampe quelques pièces de monnaie, un peu de substance aromatique s'échappées —

[11]

avec regards scrutateurs de mes bouffées
 ont produit les couleurs qui ornent ce
 fruit des loisirs d'un prisonnier.

Profitez des instructions de votre
 malheureux ami, elles sont tellement
 claires qu'il seroit à craindre que
 ces écrits tombassent en d'autres mains
 que les vôtres... souvenez vous seu-
 lement que tout doit vous servir.
 une ligne mal expliquée un caractère
 oublié, vous empêcheroient de lever le
 voile que la main du créateur a
 posé sur le Sphinx.

Adieu Philocle, ne me plai-
 gnez pas la clemence de l'Éternel
 égale sa justice à la première.

[12]

assemblée mystérieuse, vous réservez
 votre ami. Je vous salue en Dieu,
 bientôt je donnerai le baiser de
 paix à mon frère.

[13]

[14]

L dois m'ins la lune cachée,
 par les nuées sombres se jettent qu'un
 leur incertain sur les blocs de lave
 qui environnent le défilé, la tête
 couverte de voiles de Lin, tenant dans
 mes mains le rameau. Non je m'arrête

[15]

sans crainte vers le lieu où j'avois reçu
 l'ordre de passer la nuit. Errant
 sur un sable brûlant, je le sentois
 à chaque instant s'affaisser sous mes
 pas les nuages s'ammoncelaient
 sur ma tête, l'éclair sillonnait la
 nue, et donnait une teinte sangl-
 ante aux flammes du volcan....
 Enfin j'arrive, je trouve un autel.
 De fer j'y place le rameau mystéri-
 eux.... Je prononce les mots redou-
 tables... à l'instant la terre tremble
 sous mes pieds le tonnerre éclate....
 les mugissements du Vésuve répon-
 dent à ces coups redoublés ses
 feux se joignent aux feux de la

[16]

foudre... les corps des Génies s'élevèrent
 dans les airs et se firent répéter aux céles-
 tes louanges du créateur... la branche
 consacrée que j'avois placée sur l'autel
 triangulaire, se flâma tout à coup une
 épaisse fumée, m'environna, je cesse de
 voir, plongé dans les ténèbres je crus
 descendre dans un abîme. J'ignore...
 combien de temps je restai dans cette
 situation, mais en ouvrant les yeux, je
 aperçus vainement les objets qui m'entou-
 raient quelques instans auparavant, l'autel
 de Vésuve la campagne de Naples avoient
 fui loin de mes yeux, j'étois dans un
 orbe souterrain, seul, éloigné du monde
 entier... près de moi chais une robe

[17]

longue, blanche, son tissu de lin me semble composé de fil de lin, sur une masse de granules claires posée une lampe de cuivre au dessus une table noire chargée de caractères grecs m'indiquaient la route que je devois suivre je pris la lampe et après avoir revêtu la robe je m'engageai dans un chemin étroit dont les parois étaient revêtus de marbre noir. Il avait trois mille de longueur, mes pas ralentissaient d'une manière effrayante sous ces voûtes silencieuses enfin je trouvois une porte elle conduisait à des degrés, je les descendis, après avoir marché longtemps je crus appercevoir une lueur errante devant

[18]

moi je cachai ma lampe, je fixai mes yeux sur l'objet que j'entrevois il se dissipa et s'évanouit comme une ombre.

Sans reproches sur le passé, dans mes craintes sur l'avenir je continuai ma route elle devenoit de plus en plus pénible, toujours engagé dans des galeries composées de quartiers de pierres noires, je n'osais fixer le terme de mon voyage souterrain enfin après une marche immense, j'arrivai à une place carrée, une porte souloit au milieu de chacune de ses quatre faces elles étaient de couleur différente ces places, chacune à l'un des quatre points cardinaux, j'entrai par celle.

[19]

du septentrion elle étoit noire, celle qui me faisoit face étoit rouge, la porte de l'orient étoit bleue, celle qui lui étoit opposée étoit d'une blancheur éclatante... au centre de cette salle étoit une masse carrée, une étoile de cristal brillant sur son milieu. On voyoit une peinture sur la face septentrionale elle représentait une femme nue jusqu'à la ceinture, une draperie noire lui tomboit sur les genoux. Deux bandes d'argent ornaient son vêtement, dans sa main étoit une baguette, elle étoit posée sur le front d'un homme placé vis-à-vis d'elle. une table terminée

[20]

par un seul pied étoit entre eux deux sur la table étoit une coupe et un fer de lance. Une flamme soudaine se leva de terre... et sembloit se diriger vers l'homme une inscription expliquait le sujet de cette peinture. Une autre m'indiquait les moyens que je devois employer pour sortir de cette salle.

Je voulus me retirer après avoir considéré le tableau et l'étoile, j'allais entrer dans la porte rouge quand tournant sur ses pieds avec un bruit épouvantable elle se referma devant moi, je voulus l'ouvrir la même épouvante sur cette nuit

[21]

devenir la couleur du ciel, elle ne se
 forma point mais un bruit soudain
 me fit détourner la tête, je vis —
 l'étoile sautiller, elle se détacha toute
 et se plonge rapidement dans —
 l'ouverture de la porte blanche, je
 la suivis aussitôt.

[22]

[23]

Un vent impétueux de
levait, jeus peine à conserver ma
lampe allumée, enfin un perron
de marbre blanc s'éleva à ma
vue, j'y montai par deux marches

[24]

arrivé à la dernière, j'aperçus une
immense étendue d'eau; des torrens
impétueux se faisaient entendre
à ma droite, à gauche, une pluie
froide mêlée de masses de grêle
tombaient près de moi, je consi-
dérerais cette scène majestueuse
quand l'étoile qui m'avait guidé
sur le perron et qui se balançait
lentement sur ma tête, se plon-
gea dans le gouffre. Je crus lire
les ordres du très-haut, je me
précipitai au milieu des vagues
une main invisible saisit ma
lampe et la posa sur le sommet
de ma tête. Je jendis l'onde

[25]

écumeuse. et mefforçai de gagner les
 points opposés au celui dont j'étais
 parti, enfin, je vis à l'horison une
 faible clarté, je me hatai, j'étais au
 milieu des eaux et la sueur couvrait
 mon visage, je mepuisais en vains
 efforts la rive que je pouvois à peine
 appercevoir sembloit fuir devant
 moi à mesure que j'avançais, mes
 forces m'abandonnaient, je ne
 craignois pas de mourir, mais de
 mourir sans être illuminé. je perdis
 courage et levans vers les voutes mes
 yeux baignés de pleurs. Te, m'érinai.
 Judica judicium meum et redime
 me, propleo eloquium tuum vivifica me,

[26]

à peine pouvois-je agiter mes membres
 fatigués j'enfonçais de plus en plus
 quand j'apperçus près de moi une
 barque, un homme couvert de riches
 habits, la conduisoit, je remarquai
 que la proue étoit tournée vers la
 rive que j'avois quitté, il s'approcha,
 une couronne d'or brillait sur son
 front vade me cum me dit-il, me-
 cum principium in terris, instruam-
 te in via hac quæ graduera. Je
 lui répondis à l'instant bonum
 est sperare in domino quam
 confidere in principibus. . . . à
 l'instant la barque, et le monar-
 que s'abimèrent dans le fleuve,

[27]

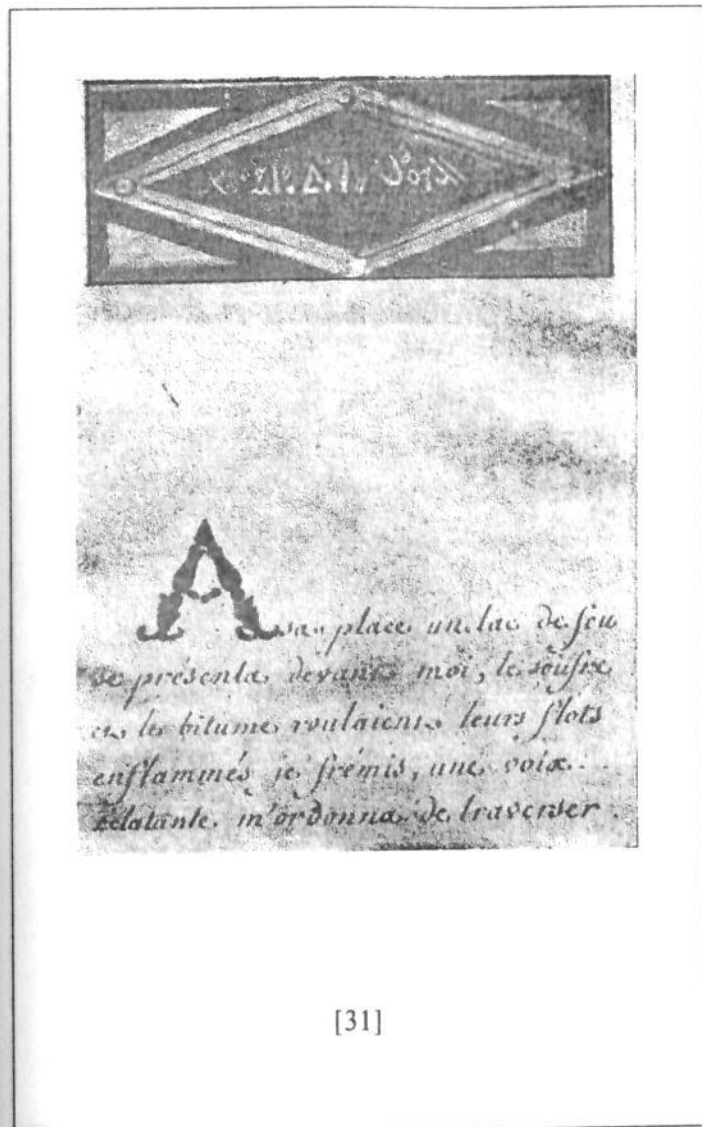
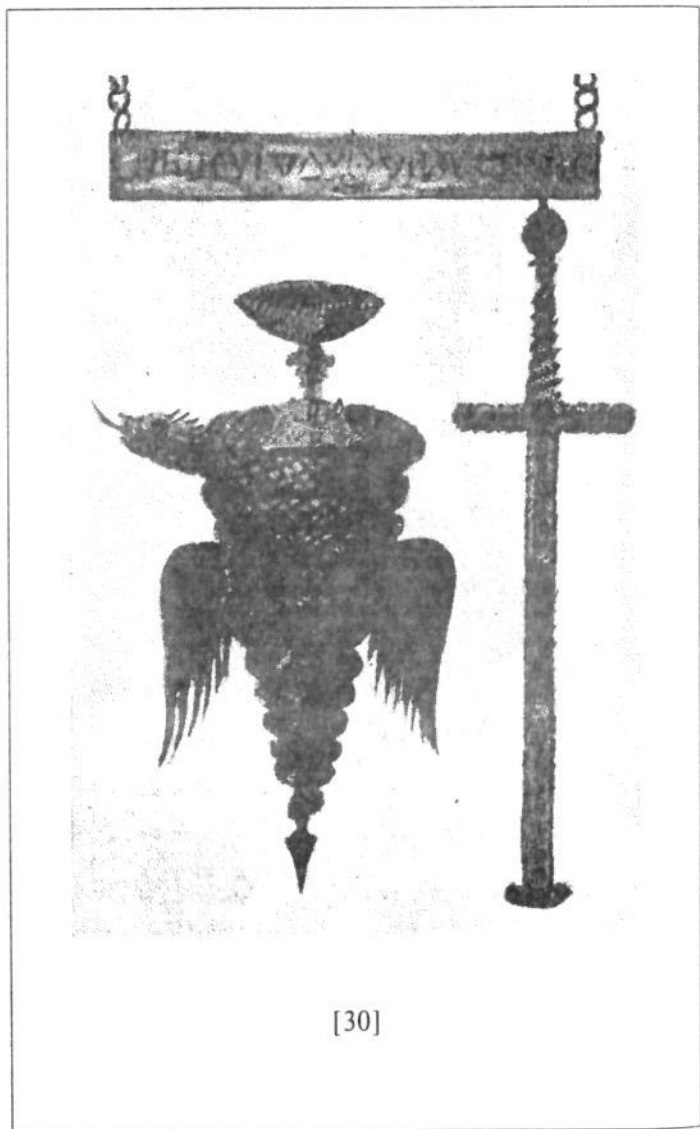
une force nouvelle sembla couler :
 dans mes veines je parvins à gagner
 le bûis de mes fatigues, je me trouvai
 sur un rivage semé de sable vert.
 Un mur d'argent étoit devant...
 moi deux lames de marbre rouge
 étoient incrustées dans son épais-
 seur, j'approchai, l'une clair, chargée
 de caractères sacrés sur l'autre...
 étoit gravée une ligne de lettres
 grecques entre les deux lames.
 clair un cercle de fer deux
 lions, l'un rouge et l'autre noir,
 reposaient sur des nuages et
 semblaient garder une couronne
 d'or placée au dessus deux, orné

[28]

voyois encore près du cercle un arc
 et deux fleches je lus quelques
 caractères écrits sur les flancs d'un
 des lions, à peine avois-je observé ces
 différents emblèmes, qu'ils disparu-
 rent avec la muraille, qui les

[29]

ces flâmes, j'obéis et, les flâmes —
semblerent avoir perdu leur acti-
-vité. longtems je marchai au milieu
de l'incendie, arrivè dans un espace
circulaire, je contemplai le pompeux
spectacle dont la bontè du ciel —
daignait me faire jouir.

Qu'arante colonnes de feu —
décoraient la salle, dans laquelle je —
me trouvois un côté des colonnes bril-
-lois d'un feu blanc et vif, l'autre
sembloit dans l'ombre, une flâme
noirâtre, le couvrait; au centre, de
ce lieu selevait un autel en forme
de serpent, un oeil embelli-ssoit
son écaille, d'après sur la qu'elle se

refléttaient les flâmes qui l'environ-
-naient, ses yeux semblaient des —
rubis, une inscription argentée était
posée près de lui. Une riche épée était
plantée en terre près du serpent, —
une coupe reposait sur sa tête....

J'entendis le cœur des esprits céles-
-tes, une voix me dit le terme de tes
naissances approche, prends la glaise,
s'agrippe le serpent.

Je tirai l'épée de son four-
-reau et m'approchant de l'autel,
je pris la coupe d'une main et de
l'autre je portai un coup terrible...
sur le col du serpent, l'épée rebon-
-dit, le coup raisonna comme si

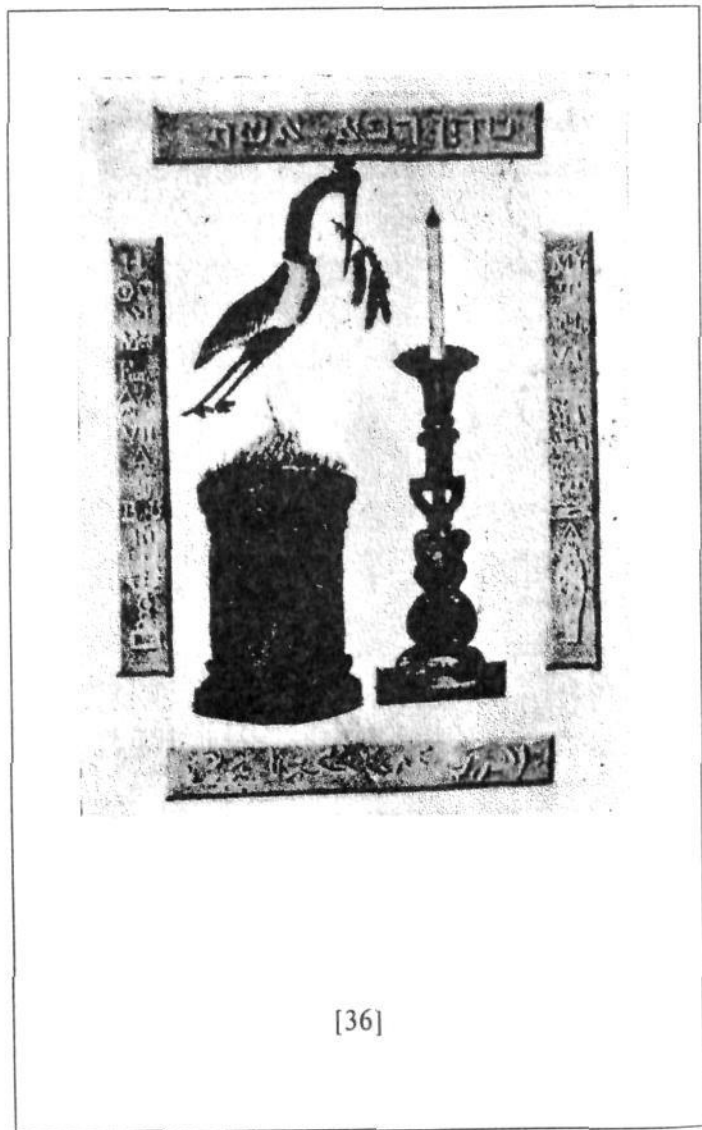
j'avois frappé une cloche d'airain,
 de peine avois-je obéi à la voix que
 l'autel disparut les colonnes se per-
 dirent dans l'immensité, le son que
 j'avois entendu en frappant l'autel
 se répéta comme si mille coups
 étaient frappés en même temps,
 une main me saisit par les che-
 veux et m'entraîna vers la voûte, elle
 souvrit pour me livrer passage,
 des vains fantômes se présentèrent
 devant moi, des Hydres, des Lamies
 m'entourèrent de serpens, la vue de
 l'épée que je tenois à la main écartera
 cette foule immonde, comme les
 premiers rayons du jour dissipent

[34]

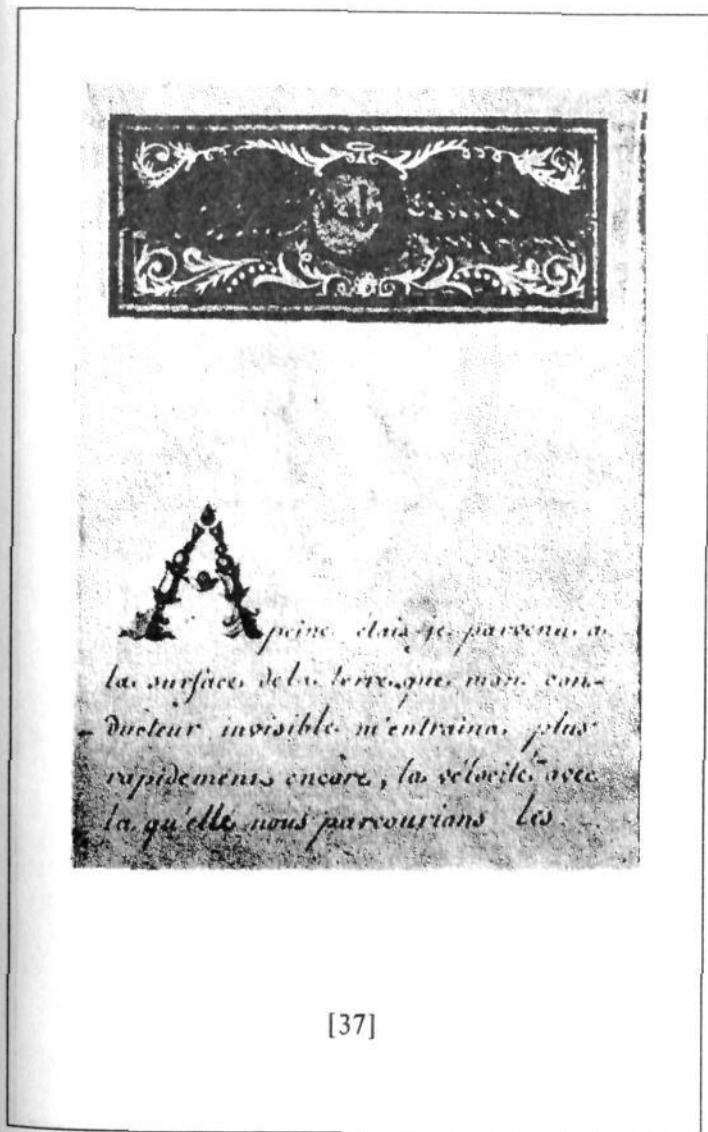
les songes froids enfans de la nuit.
 et se dit monté par une ligne
 perpendiculaire à travers les
 couches qui composent les nuages
 de la terre, de cette lumière d'un
 jour.

[35]

[36]

[37]

espaces aériens ne peut être compa-
-rée à rien qu'à elle-même; en un
instants j'eus perdu de vue les plai-
-nes sur lesquelles je dominais. —
j'avais observé avec étonnement que
j'étais sorti du sein de la terre, loin
des campagnes de Naples une
plaine déserte, quelques masses tri-
-angulaires étaient les seuls objets
que j'eusse aperçus. Bientôt mal-
-gré les épreuves que j'avois subies,
une nouvelle terreur vint m'assaillir,
la terre ne me semblait plus qu'un
nuage confus, j'étois élevé à une
hauteur immense, mon guide invi-
-sible m'abandonna, je redescendis —

[38]

pendans un assez long tems je
voulai dans l'espace; déjà la terre
se déployait à mes regards trou-
-blés... je pouvois calculer combien
de minutes se passeroient avant
que j'aie mes briser contre un
rocher. Bientôt prompts comme
la pensée, mon conducteur se
précipite après moi, il me reprend
m'enlève encore une fois, il me
laisse retomber, enfin il m'élève
avec lui à une distance incon-
-mensurable, je voyois des globes
rouler autour de moi, des terres
graviter à mes pieds tous à
coup le génie qui me portoit

[39]

me touche les yeux, je perdis les
sentiments. Ignore combien de
temps je passai en ces états, à
mon réveil je me trouvai couché
sur un riche coussin, des fleurs
des aromates, embaumaient l'air
que je respirais.... Une robe
bleue semée d'étoiles d'or avois-
remplacé le vêtement de lin.
vis-à-vis de moi était un autel
Jaune, un feu pur s'en exallait
sans qu'aucune autre substance
que l'autel même l'alimentât.
Des caractères noirs étaient
gravés sur sa base. Àuprès
étais un flambeau allumé, qui

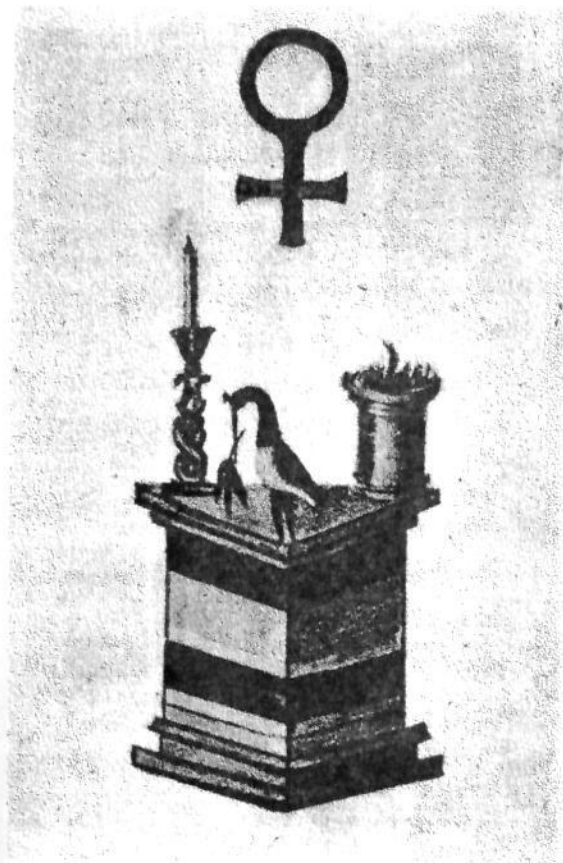
[40]

brillois comme le soleil au dessus
étais un oiseau dont les pieds
étaient noirs, le corps d'argent,
la tête rouge, les ailes noires et
Le Col d'or. Il s'agitait sans
cesse, mais sans faire usage de
ses ailes. Il ne pouvoit voler
que lorsqu'il se trouvoit au milieu
des flammes. Dans son bec étoit
une branche verte, son nom est
حزير celui de l'autel
est لانت l'autel, l'oiseau, et le
flambeau, sous le symbole de tout,
rien ne peut être fait sans
eux, eux mêmes sous tout et
qui est bon et grand, le flambeau

[41]

[42]

[43]

Je me retournai et j'aperçus un palais immense, sa base reposait sur des nuages, ses marbres composaient sa masse, sa forme était triangulaire, quatre étages de

[44]

colonnes selevaient les uns sur les autres. Une boule dorée terminait cet édifice. Le premier rang de colonne était blanc, le second noir, le troisième vers le dernier était d'un rouge brillant, je voulais avant avoir admiré ces ouvrages des artistes éternels retourner au lieu où étoient l'autel, l'oiseau et le flambeau, je voulais encore les observer ils étoient disparus, je les cherchois des yeux, quand les portes du palais s'ouvrirent, un vieillard vénérable en sortit, sa robe étoit semblable à la mienne, excepté qu'un soleil doré brilloit sur sa poitrine sa main droite tenait

[45]

une branche verte, l'autre soutenoit
 un encensoir, une chaîne de bois
 étoit attachée à son col, une thière
 pointue, comme celle de Zoroastre,
 couvroit sa tête, blanchie, il s'approcha
 de moi; le sourire de la bienveillance
 étoit sur ses lèvres, à dore.
 me dit-il en langue Persane, c'est
 lui qui te soutient dans les épreuves
 son esprit étoit avec toi, mon fils
 tu es laissé, sur l'occasion tu pou-
 vois à l'instant saisir l'occasion

 Al point de persanes pour

[46]

parvenir au lieu le plus secret, du
 j'étais des sciences sublimes que tu
 en parvins tous les détours, viens
 de dois avant tous, te présenter à
 mes frères. Il me pris la main, et
 m'introduisit dans une vaste salle.
 Des yeux vulgaires ne peuvent
 concevoir la forme, et la richesse
 des ornemens qui l'embellissoient.
 Trois cents soixante colonnes l'entourai-
 ent de toutes parts, au plafond étoit
 une croix rouge, blanche, bleue, et
 noire, un anneau d'or la soutenoit
 Au centre de la salle étoit un autel
 triangulaire composé des quatre
 éléments sur ses trois points étoient

[47]

posés l'oiseau, l'autel et le flambeau.
 Ils ont changé de nom me dit mon
 guide, ici on nomme l'oiseau **אמסירכא**,
 l'autel **כהנא** et le flambeau **נסריר**;
 la salle est appelée. **אש** l'autel
 triangulaire. **אפאנאפ** autour de
 l'autel étaient placés quatre-vingt-
 un trônes; on montait à chacun
 par neuf marches de hauteur inégale;
 des housses rouges les couvraient.

Pendant que j'examinais
 les trônes, le son d'une trompette
 se fit entendre, avec ce bruit les
 portes de la salle **אש** tournèrent
 sur leurs gonds pour laisser passer
 soixante-dix-neuf personnes, toutes

velues comme mon conducteur.
 Elles s'approchèrent, se levèrent et
 s'assirent sur les trônes, mon guide
 se tint de bout auprès de moi. Un
 vieillard distingué de ses frères par
 un manteau de pourpre dont les
 bords étaient chargés de caractères
 en broderies, se leva et mon guide
 prenant la parole en langue sacrée
 Voila dit-il un de nos enfans que
 Dieu veut rendre aussi grand que
 ses pères. Que la volonté du seigneur
 s'accomplisse répondit le vieillard.
 Mon fils ajouta-t-il en s'adressant à
 moi votre temps d'épreuves physiques
 est accompli. Il vous reste à faire

de prendre voyage. Adornais vous vous
 appelleres. **אבן** avanis de par-
 courir ces edifice, luis de mes freres
 es moi allans vous faire. chacun un
 present il vint a moi es me donna
 avec le baiser de paix. un cube de
 terre grise on le nomme **אבן** le
 second trois cylindres de pierre noire
 appellee **אבן** le troisieme un morceau
 de cristal arrondi, on l'appelle **אבן**
 le quatrieme une aigrette de plumes
 bleus nommee **אבן** le cinquieme y
 joignis un vase d'argent, qui porte
 le nom de **אבן** le sixieme une grap-
 pe de raisin connue parmi les sa-
 vans sous le nom de **אבן** le septieme.

[50]

me presenta, une figure d'oiseau sembla-
 ble pour la forme a **אבן** mais il
 n'avois pas ses brillantes couleurs, il
 estoit d'argent, il porte le même nom
 me dit il, c'est a toi a lui donner les
 mêmes vertus. le huitieme me donna
 un petit autel ressemblant, aussi à l'au-
 tel **אבן** enfin mon conducteur me
 mis dans main un flambeau compo-
 sé comme **אבן** de particules brillan-
 tes mais il estoit eteint, c'est a toi ajou-
 tatil comme ceux qui l'avoient precedé
 a lui donner les mêmes vertus, réfléchis
 sur ces dons, me dit ensuite le chef
 des sages tous tendent également à
 la perfection, mais nul n'est parfait.

[51]

par lui même, c'est de leur mélange. — que dois sortir l'ouvrage divin. Sache encore que tous sont nuls si tu ne les emploie suivant l'ordre dans le quel ils t'ont été donné. le second qui servira employer le premier ne servira qu'une matière brute sans chaleur sans utilité sans le secours de celui qui vient après lui, garde soigneusement les présents que tu as reçu. et comence tes voyages après avoir bu dans la coupe de vie. Il me presenta dans une coupe de cristal une liqueur brillante et safranée son gout étoit délicieux un parfum exquis s'en exhaloit. Je voulus rendre la coupe après

[52]

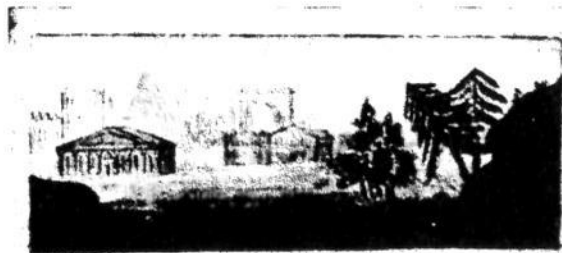
avoir trempé mes lèvres dans la liqueur. achevé. me dit le vieillard, ce breuvage sera la seule nourriture que tu prendras pendant le temps de tes voyages. J'obéis et je sentis un feu divin parcourir tous les fibres de mon corps, j'étois plus sûr, plus courageux, mes facultés même intellectuelles, semblaient être doublées. — et me batit de donner le salut des âmes à l'auguste assemblée que j'allais quitter, et par les ordres de mon conducteur, je m'en allai dans une longue galerie qui se terminoit à ma droite.

[53]

[54]

*A l'entrée de la galerie dans
laquelle je me trouvois étoit posée une
cuvette d'acier, à mon approche elle se
remplit d'une eau pure comme le cris-
-tal, qui étoit d'épuiser sur un sable.*

[55]

blanc et si la cuve étoit ovale ; elle étoit soutenue sur trois pieds d'airain, une lame noire incrustée sur le côté qui regardoit la porte renfermoit quel ques caractères. près de la cuve étoit un voile de lin. au dessus d'elle deux colonnes de marbre vert supportoient une plaque de marbre arrondie. On y voyoit entouré de deux inscriptions la figure du cachet sacré formée d'une croix de quatre couleurs, attachée à une traverse d'or qui soutient deux autres cercles concentriques le plus grand noir. l'autre rouge. à l'une des colonnes étoit attachée une bache d'argent dont la hampe étoit

(*) deux cercles concentriques

[56]

bleue. elle s'appelle $\Delta\text{m}\eta\text{p}\eta$ après avoir lu les inscriptions, je m'approchai de la cuve. et je m'y lavai, en commençant par les mains, je finis par m'y plonger, tout entier. J'y restai trois jours, en sortant de l'eau, je m'aperçus qu'elle avoit perdu sa transparence, son sable étoit devenu grisâtre, des particules couleur de rouille s'agittoient dans le fluide. Je voulus me sécher avec le secours du voile de lin, mais de nouvelles gouttes d'eau remplaçoient sans cesse celles dont le linge s'imbibait, je renonçai à me sécher avec le voile et me tenant à l'ombre, j'y restai immobile pendant

[57]

six jours entiers; au bout de ce temps la
 source de ces eaux fut tarie, je me
 trouvois sec et plus léger qu'on me
 faisoit me parussent augmentés, après
 m'être promené quel que temps je re-
 tournai à la source, l'eau quelle con-
 tenois étoit épaisse, à sa place étoit
 une liqueur rougeâtre, le sable étoit
 gris et métallique. Je m'y baignai de
 nouveau, en observant cependant de
 n'y rester que quelques instans, et me
 retirant je vis que j'avois absorbé une
 partie de la liqueur, cette fois je ne tou-
 chai pas de tarie avec la liqueur, la li-
 queur dont j'étois imprégné, elle l'au-
 roit détruit à l'instant, tant elle

[58]

étoit forte et corrosive. Je fus à l'autre
 bout de la galerie m'étendre sur un
 lit de sable chaud, j'y passai sept jours
 au bout de ce temps je revins à la
 source l'eau étoit semblable à la premi-
 ère, je m'y replongeai et en ressortis
 après m'être lavé avec soin, cette fois
 je parvins sans peine à m'essuyer,
 enfin après m'être purifié selon
 les instructions que j'avois reçu je
 me disposai à sortir de cette gale-
 rie, après y être resté seize jours.

[59]

[60]

*J*e quittai la galerie par une
porte basse et étroite et j'entrai
dans un appartement circulaire
ses lambris étaient de bois de frêne
et de chêne massif de l'an

[61]

partements sur un socle composé
 de sept de signes reposais une
 masse de sel blanc et brillant,
 au dessus étoit un tableau il représen-
 toit un lion blanc couronné, et
 une grappe de raisin, ils étoient
 posés sur un même plateau, que
 la fumée d'un brasier allumé,
 élevoit dans les airs. A ma droite
 et à ma gauche seroient deux
 portes l'une donnoit sur une
 plaine aride. On sentoit de
 brûlants y régnoit en tous temps.
 l'autre porte seroit sur un lac
 à l'extrémité du quel on apper-
 cevoit une façade de marbre noir

[62]

Je m'approchai près de l'autel
 et pris dans mes mains du sel
 blanc et brillant que les sages
 appelloient מלח קדש Je m'en frotais
 tous le corps... Je m'en pénétrai et
 après avoir lu les hiéroglyphes qui
 accompagnoient le tableau, je
 m'appretai à quitter cette salle
 mon premier dessein étoit de sortir
 par la porte qui donnoit sur la
 plaine, mais une vapeur brûlante
 s'en exhaloit, je pris le chemin
 opposé, j'avois la liberté de choisir,
 avec une condition cependant de ne
 pas quitter celui que j'aurois pris...
 Je me décidai à passer le lac, ses eaux

[63]

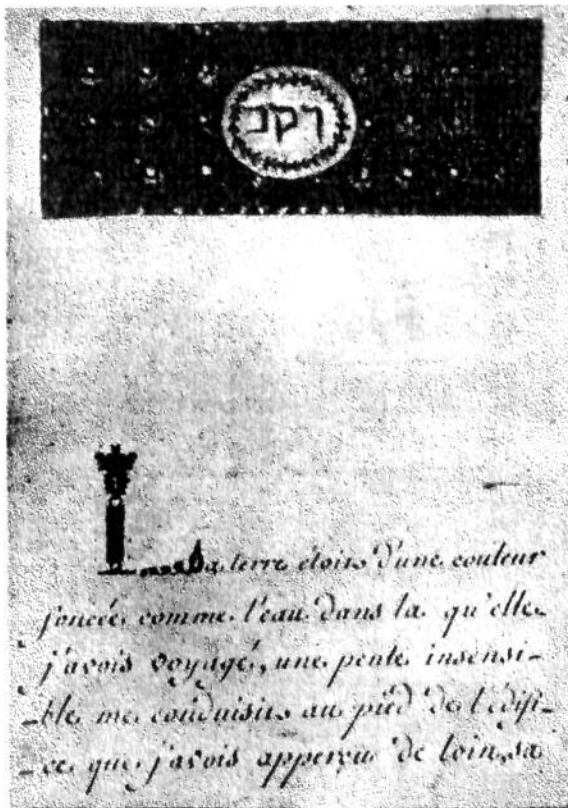
doient s'ouvrir et dormantes, j'aper-
 cevois bien à une certaine distance un
 point nommé **جبل** mais je préférai
 traverser le lac à la longue, route que
 j'eus de choisir de sure pour aller
 vers le point, mais les sinuosités
 du voyage me firent voir trois
 ans l'eau, elle était prise comme
 un glaçon, je m'aperçus qu'il
 me fallait aller à nager, par tous
 mes soins j'entrepris le sol de
 marcher dans le lac pendant trois
 jours, enfin je parvins au but.

[64]

[65]

[66]

forme étoit un carré long, sur le fron-
ton étoient gravés quelques caracté-
res, semblables à ceux qu'employ-
oient les dieux des anciens Ser-
sans. L'édifice entier étoit bâti de
Basalte, noir de poli: les portes étoient
de bois des cypres. Elles s'ouvrirent
pour me laisser passer, un vent
chaud et humide, s'éleva, tous
à coup me poussa rapidement
jusqu'au milieu de la salle, et en
même temps referma les portes sur
moi... Je me trouvois dans l'obscuri-
té, peu à peu, mes yeux s'accou-
tumerent au peu de lumière qui
régnoit dans cette enceinte, et je

[67]

quis distinguer les objets qui m'en-
 -raient. la voûte, les parois, le plan-
 -cher de la salle, étoient noirs comme
 l'ébène, deux tableaux peints sur la
 muraille fixèrent mon attention.
 l'un représentoit un cheval tel
 que les poètes nous peignent celui
 qui causa la ruine de Troie. De
 ses flancs entrouverts sortoit un
 cadavre humain. L'autre peinture
 offroit l'image d'un homme mort
 depuis longtems, les vils insectes
 enfans de la putréfaction, s'agit-
 -taient sur son visage et déva-
 -raient la substance qui les avoit
 faits naitre, un des bras decharnés

[68]

de la figure morte, l'issoit déjà ap-
 -percevoir les os, placé près du cadavre,
 un homme, velu de rouge, s'efforçoit
 de le relever, une étoile brilloit
 sur son front, des brodequins noirs
 couvroient ses jambes, trois lames
 noires chargés de caractères d'argent
 étoient posés au dessus, entre et
 au dessous des tableaux. Je les lus,
 et m'occupai à parcourir la salle
 ou je devois passer neuf jours . . .
 Dans un coin plus obscur
 se trouvoit un morceau de terre noire,
 grasse et saturée de particules ani-
 -males, je voulus en prendre, une
 fois étalante comme le son d'une

[69]

trompette me le défendit, il ny a que
 quatre vingt sept ans que cette terre est
 posée dans cette salle me dis-elle
 quand heize autres années serons
 écoulées, toi es les autres enfans de
 Dieu pourrons en user. La voix se-
 tut mais les derniers sons vibrèrent
 long temps dans ce temple du silence
 et de la mort. Et pres y être resté le
 temps prescrit je sortis par la porte
 opposée à celle par la qu'elle j'étois
 entré. Je vis la lumière, mais elle
 n'étoit pas assez vive autour de la
 salle noire, pour fatiguer mes yeux
 habitués à l'obscurité.

Je vis avec étonnement, qu'il

[70]

me fallons pour joindre les autres édifi-
 ces traverser un lac plus large que le
 premier, je marchai dans l'eau peu-
 dans dix huit jours. Je me souvins
 que dans la première traversée les
 eaux du lac devenoient plus noires
 et plus épaisses à mesure que j'avan-
 çois, au contraire dans celle-ci
 plus j'approchais de la rive, et plus
 les eaux s'éclaircissoient. Ma robe
 qui dans le palais étoit devenue
 noire comme les murailles me parus
 alors d'une teinte grisâtre, elle reprit
 peu à peu ses couleurs, cependant
 elle n'étoit pas entièrement bleue,
 mais approchant d'un beau verd.

[71]

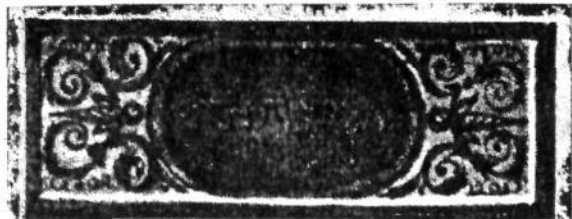
Après dix huit jours je mon-
-tai sur le rivage par un peron de
marbre blanc; la salle est nomée
צוון le premier תש דתש
le second תש דתש

[72]

[73]

A quel que distance du rivage un palais somptueux élevoit dans les airs ses colonnes d'albâtre. Ses différentes parties étoient jointes par des particules couleur de feu, tous

[74]

l'édifice étoit d'une architecture légère et aérienne. Je m'approchai des portes, sur le fronton étoit représenté un papillon. Les portes étoient ouvertes. J'entrai, le palais entier ne formoit qu'une seule salle... trois rangs de colonnes l'entouroient, chaque rang étoit composé de vingt-sept colonnes d'albâtre. Au centre de l'édifice étoit une figure d'homme, elle sortoit d'un tombeau sa main appuyée sur une lance, frappoit la pierre qui la renfermoit autrefois, une draperie verte, ceignoit ses reins. Par brilloit au bas de son vêtement sur sa poitrine étoit une table.

[75]

quarré, sur laqu'elle, je distinguai
quelques lettres. Au dessus de la figure,
étoit suspendue une couronne d'or,
elle sembloit s'élever dans les airs
pour la saisir. Au dessus de la
couronne étoit une table de pierre
jaune, sur laqu'elle étoient gravés
quelques emblèmes, je les expliquai
par le secours de l'inscription que j'ap-
perçus sur le tombeau, et par celle
que j'avois vûe sur la poitrine de
l'homme.

Je restai dans cette salle
appelée *الغرفة* le temps nécessaire
pour en contempler tous les détours.
et j'en sortis bientôt dans l'intention.

[76]

De me rendre à travers une vaste
plaine à une tour que j'aperçus
à une assez grande distance.

[77]

[78]

A peine j'avois quitté les
marches du palais, que j'apperçus
sauter devant moi un oiseau sem-
blable à נפדון mais celui-ci avoit
deux ailes de papillon outre les siennes.

[79]

une voie sortant d'un nuage m'ordonna
de le saisir et de l'attacher. Je m'elan-
-çai après lui, il ne voloit pas mais il
me servoit de ses ailes pour courir avec
la plus grande rapidité, je le poursuivis,
il s'uyoit devant moi et me fit plusieurs
fois parcourir la plaine dans toute son
étendue, je le suivis sans m'arrêter.
- enfin après neuf jours de course je
le contraignis d'entrer dans la tour
que j'avois eüe de loin en sortant de

Les murailles de ces
édifices étoient de fer. Trente six piliers
de même métal les soutenoient, l'inté-
-rieur étoit de même matière, incrus-
-té d'acier brillant. Les fondemens

de la tour étoient construits de telle
manière que sa hauteur étoit double
sous terre. à peine l'oiseau jura il en-
-tra dans cette enceinte, qu'un froid
glacial sembla s'emparer de lui il fit
de vains efforts pour mouvoir ses ailes
engourdis. Il s'agilloit encore, essay-
-ant de jür, mais si foiblement que
je l'atteignis avec la plus grande facilité.

Je le saisis, et lui passant
un clou d'acier va travers les ailes je
l'attachai sur le plancher de la tour.
à l'aide d'un marteau appelé Je
à peine avois je fini que l'oiseau ren-
-vra de nouvelles forces, il me s'appla-
-plus, mais ses yeux devinrent

brillants comme des topazes j'étois occupé à l'examiner quand un groupe placé au centre de la salle attirait mon attention, il représentoit un bel homme dans la fleur de l'âge, il tenoit à la main une verge qu'entouraient deux serpens entrelacés, et dispoit de s'échapper des mains d'un autre homme grand et vigoureux, armé d'une ceinture et d'un casque de fer sur lequel s'élevait une aigrette rouge; une épée étoit près de lui elle étoit appuyée sur un bouclier chargé d'hieroglyphes; l'homme armé tenoit dans ses mains une forte chaîne il en tenoit les pieds-

[82]

et le corps de l'adolescent qui cherchoit vainement à fuir son terrible adversaire; deux tables rouges renfermaient ses caractères.

Je quittai la tour en ouvrant une porte qui se trouvoit entre deux piliers je me trouvai dans une vaste salle.

[83]

[84]

 La salle dans la qu'elle je
venois d'entrer étoit, exactement ron-
de, elle ressembloit à l'intérieur d'une
boule, composée d'une matière dure
et diaphane comme le cristal —
elle recevoit du jour par toutes ses

[85]

partis. la partie inférieure étoit
posée sur un vaste bassin rempli
de sable rouge, une chaleur douce,
et égale régnoit dans cette enceinte
circulaire. Les sages nomment
cette salle. **MM** le bassin de sable
qui la soutient porte le nom de
MM je considérais avec étonnement
ce globe de cristal quand un phéno-
mène nouveau excita mon admira-
tion: du plancher de la salle s'éleva
une vapeur douce, moite et sursu-
née elle m'environna, me souleva
douxement et dans l'espace de
trente six jours me porta jusqu'à
la partie supérieure du globe, après

[86]

ce temps la vapeur s'affaiblit, je
descendis peu à peu enfin je me
retrouvai sur le plancher, ma robe
changea de couleur, elle étoit verte
lorsque j'entrai dans la salle, elle
devint alors d'une couleur rouge
éclatante. Par un effet contraire
le sable sur lequel reposait le
globe, quitta sa couleur rouge et
devint noir par degrés je demeu-
rai encore trois jours dans la
salle, après la fin de mon ascension.
Après ce temps j'en sortis
pour entrer dans une vaste place
environnée de colonnades et de por-
tiques: vers au milieu de la place étoit

[87]

un pied d'estal de bronze, il supportoit un groupe qui presentoit l'image d'un homme grand et fort, sa tête majestueuse étoit couverte d'un casque couronné; à travers les mailles de son armure d'or, sortoit un vêtement bleu; il tenoit d'une main un bâton blanc, chargé de caractères, et tenoit l'autre à une belle femme; aucun vêtement ne couvroit sa compagne, un soleil brilloit sur son sein, sa main droite supportoit trois globes joints par des anneaux d'or, une couronne de fleurs rouges ceignoit ses beaux cheveux, elle s'élançoit dans les

airs et sembloit y élever avec elle le guerrier qui l'accompagnoit; tous les deux étoient portés sur des nuages autour du groupe, sur les chapiteaux de quatre colonnes de marbre blanc, étoient posés quatre statues de bronze; elles avoient des ailes et paroissaient sonner de la trompette.

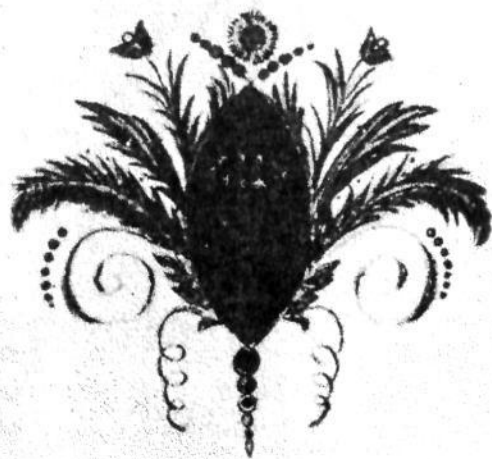
Je traversai la place, et montais un perron de marbre qui se trouvoit devant moi, je vis avec étonnement que je rentrais dans la salle des thrones, (la première du je-m'étois trouvé en arrivant au palais de la sagesse) l'autel triangulaire étoit toujours au centre de celle

salle mais l'oiseau, l'autel et le flambeau
 étoient réunis et ne formoient plus
 qu'un corps. Très-deux étoit passé
 un soleil d'or, le péché que j'avois ap-
 porté de la salle de feu, reposois à
 quel que pas de là sur le coussin d'un
 des thrones; je pris l'épée et frappant
 le soleil je le réduisis en poussière,
 je le touchai ensuite et chaque mo-
 lécule devint un soleil d'or sembla-
 ble à celui que j'avois brisé. l'œuvre
 est parfaite scoria à l'instant une
 voix forte et mélodieuse, à ce cri
 les enfans de la lumière s'empressè-
 rent de venir me joindre, les portes
 de l'immortalité me furent ouvertes.

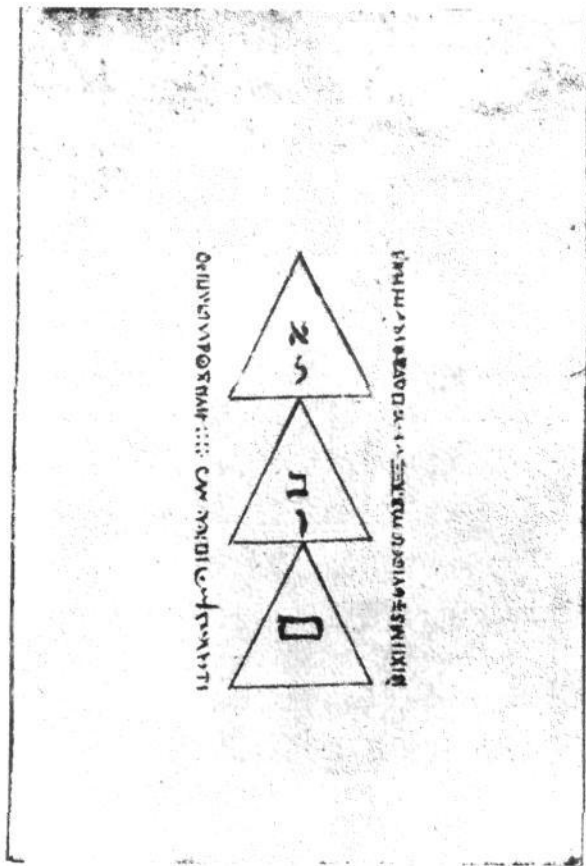
[90]

le nuage qui couvre les yeux des mor-
 tels, se dissipa, Je Vis et les esprits
 qui président aux éléments, me re-
 connurent pour leur maître.

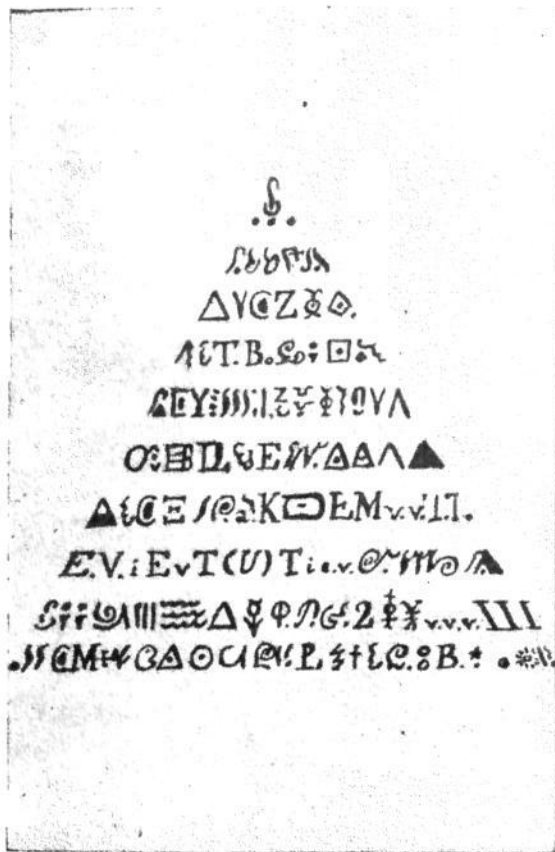
FIN

[91]

[92]

[93]

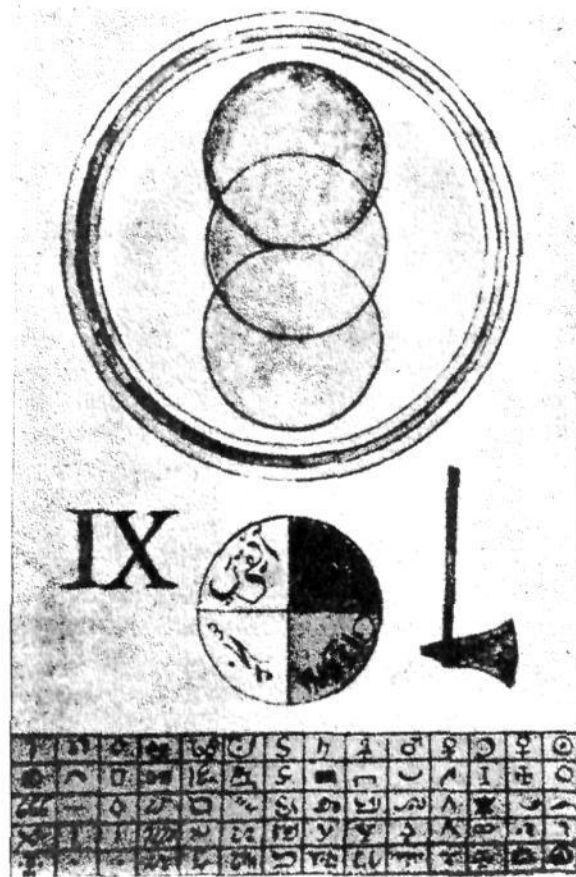
[94]

[95]

[96]

[97]

[98]

КОММЕНТАРИИ

Посвящение в Мистерии определялось древними философами как высшее приключение в жизни и величайшее благо, ниспосланное человеческой душе во время ее земного пребывания. Платон в «Федре» так пишет о высшем значении допуска к участию в священных ритуалах:

«Подобным же образом, вследствие сего божественного посвящения, мы созерцаем непорочные, непоколебимые и благословенные видения в чистом свете; и сами становимся чистыми и непорочными, *освободившимися от сего наружного покрова, называемого нами телом*, к коему мы теперь прикованы, как устрица к своей раковине»¹.

Св. Павел также упоминает о «внутреннем опыте», посредством коего мы УЗНАЕМ. Он возглашает:

«Мы говорим о мудрости среди совершенных, не о мудрости мира сего, не о мудрости архонов [правителей] мира сего, но о мудрости божественной,

¹ В прямом переводе с греческого: «Допущенные к видениям непорочным, непоколебимым и счастливым, мы созерцали их в свете чистом, чистые сами и еще не отмеченные, словно надгробием, той оболочкой, которую мы теперь называем телом и которую не можем сбросить, как улитка — свой домик», — М., 1970. — Прим. пер.

тайной, сокровенной, кою не познал ни один архон мира сего»¹.

Посвящение есть расширение сознания с целью подлинного постижения вселенских реальностей. Мистические обряды язычников и ранних христиан являлись лишь внешними символами внутренних процессов. В таинственных ритуалах и пышных церемониях драгоценные тайны совершенства передавались из века в век. Профаны довольствовались торжественностью внешней обрядности, но адепты, получившие ключи, прилагали мудрость, скрытую в аллегориях, к совершенствованию своих внутренних духовных способностей. Ориген, самый мистический из анти-никейских отцов, в своем предисловии к Евангелию от Св.Иоанна признает двойственность всех теологических откровений:

«Для тех, кто понимает буквально (или экзотериков), мы преподносим Евангелие с исторической точки зрения, проповедуя Иисуса Христа и Его распятие; но знающим, воспламененным любовью к Божественной Мудрости (эзотерикам), мы сообщаем Логос (Слово)».

Совершенство не даруется: оно достигается. Люди не становятся мудрыми, только лишь наблюдая священные драмы... но, скорее, постигая их. Символизм есть язык божественных истин, письмена, которыми можно намекнуть на то, что непозволительно разглашать в действительности. «Ибо мистические символы хорошо знакомы нам, принадлежащим к Братству» (Плутарх). Посвящением

¹ В русском переводе: «⁶Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих, ⁷Но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную... ⁸Которой никто из властей века сего не познал...» (1 Кор., II, 6, 7, 8).

В общепринятой русской версии слово «мир» переводится как «век». — *Прим. пер.*

устанавливается принцип работы. Божественный человек и божественное в человеке достигают завершения только работой. Адепты древних школ были «мудрыми Мастерами-Строителями», имеющими зрение, чтобы видеть, мужество, чтобы делать, и мудрость, чтобы молчать. «Во всех Мистериях хранят тайну и молчание», — писал Тертуллиан, создатель церковного латинского языка.

Во время ритуалов посвящения неопиту преподавался ЗАКОН. Раскрывались величайшие истины, устремляющие вселенную к ее неминуемому слиянию с Богом. Посвященному оставалось только приложить этот Закон, и через приложение его достичь сознательного бессмертия. При существующем разветвлении путей знания практика и теория расходятся. Человек может либо исполнить закон и, так просвещаясь, дойти, наконец, до совершенства, либо он может принять слово Закона, но игнорировать дух его и остаться таким же, как есть... несовершенным и непросвещенным. Тот, кто получает ЛОГОС и пребывает в духе его, постепенно приумножается в мудрости. Назареи-теурги говорили о таком, что он «дал обет». Не щадя себя, он стремился освободить свою внутреннюю часть от господства внешних чувств и страстей. Аретей говорит: «Пока душа не освобождена, она трудится в теле и затемняется парами и глиною». Пары есть тайный символ страстей и избытка эмоций, которые столь же бесплотны, как и туман, а под глиной имеется в виду невосприимчивость телесной формы.

Приумножаться в мудрости — значит приумножаться в просвещенности, ибо просвещенность подразумевает озарение внутренних тайников разума светом Логоса — духовного солнца. Такое развитие способности познавать посредством философской дисциплины сопровождается расширением

возможностей осознания и восприятия. Это расширение суть истинный рост души, становящейся способной к всемещению. Потому-то в священных писаниях это расширение сферы деятельности души и называется посвящением. Посредством посвящения обитающее внутри божество приближается к своей собственной причине, извечному Благу. Комнаты посвящения — это «многочисленные кирпичики», по которым обитающее внутри божество должно пройти, равно как и по извилистым поворотам критского лабиринта. На пути своем оно встречает множество дверей и, проходя сквозь них, с каждым разом вступает во все более обширную и блистающую сферу своего предназначения и действия. С возрастанием нашей способности воспринимать величины божественного плана мы, говорят, возрождаемся. Возрождение есть переход от прежних условий к новому состоянию, от прежнего ограничения к новому расширению. С ростом наших познаний вселенная словно расширяется вместе с нами, соразмерно степени нашей новой конституции. Высвобождается мудрость.

Академии древних Мистерий предлагали мудрейшим и лучшим из людей покинуть бренную тень суетности и посвятить себя трудам истинно вечным. Совершенствование своего Я есть Великая Работа, начало и конец мудрости: усовершенствованное Я есть совершенная жертва и завершение Великой Работы. Тот, кто совершенен, являет собой величайшую пользу для других, величайшее благо для себя и самую приемлемую жертву Всевышнему.

С крушением древнего языческого мира и разложением ранней христианской церкви Мистерии прекратили свое существование как великие институты. Доктрины их были утрачены, жрецы рассеяны, а храмы обращены в руины. Новые теории,

большую частью поверхностные и ограниченные, заняли место мудрости — их предтечи; образование, оторванное от своей духовной части, заложило основы нашего нынешнего хаоса. Но мудрые остались верны древним Ритуалам. Те, кто был посвящен в тайны, не могли их забыть и не забыли. Они собирались втайне, учили втайне и поклонялись втайне. Огонь храма пылал в сердцах его посвященных. Внешние формы распались; но внутренний дух, закалившись своей сопричастностью предвечной истине, был бессмертен. Из мрака дегенерировавшей цивилизации, через пустыню бесплодных веков и, наконец, через красное море инквизиции мистики древней мудрости торжественно пронесли Ковчег своего завета.

Так называемые средние века являли собой эру весьма причудливых символов. Герметики изобретали сложных монстров, заимствованных у богов Египта; каббалисты украшали пергаментную рукопись прстранными рисунками, печатями, пентаклями и несуразными подписями демонов; алхимики заполняли огромные тома непонятными формулами, повествующими о мистических свойствах жаб и крови дракона. В темном поле средневековых предрассудков росла и расцветала также и Мистическая Роза, но ее, в конечном счете, заглушили сорняки фанатизма. Это были странные века, когда лжевера занесла дамоклов меч над мудростью. Тем не менее, кто посмеет отрицать, что мистические традиции устояли и, облаченные в терминологию египетских мифов и алхимии, все еще были доступны тем, кто имел глаза, чтобы распознать извращенную истину?

На фоне догматического невежества и бессмысленного педантизма отчетливо выступает светоносная личность графа Сен-Жермена. Владыка древней мудрости, умудренный в забвенных истинах,

сведущий во всех диковинных искусствах античности, ученейший из людей современного мира, мистический граф своими собственными невероятными достижениями олицетворял метафизические традиции пятидесяти веков. Тысячу раз вопрошалось: где Сен-Жермен почерпнул свое поразительное знание закона природы? Как удавалось ему пребывать во плоти из века в век, бросая вызов естественному разложению, приводящему к единому концу и принца, и жреца, и нищего? Сен-Жермен был вестником и представителем братства философов — прямых потомков иерофантов Греции и Египта. Он получил Логос. Своею мудростью он ставил в тупик даже старцев. Жизнь лишь одного этого человека обращала в ничто схоластическое самодовольство двух тысячелетий.

«La Tres Sainte Trinosophie» является в высшей степени значительным произведением, ибо повествует о духовных процессах, завершающихся адепством. Это дневник достигающей совершеннолетия души. Это вполне может быть и подлинной записью событий, запечатлевшей принятие самого Сен-Жермена в мистическое братство, Великим Магистром которого он, в конечном итоге, и стал. Поскольку манускрипт имел своею целью наставление учеников, уже знакомых с тайной терминологией, все повествование изложено символически в виде фрагментов ритуала и аллегорий, заимствованных у церемониалов античной эпохи. И хотя первое прочтение может лишь озадачить, глубокий и тщательный анализ текста постепенно прояснит его смысл. Каждый обнаружит в этом труде то, что сам уже знает, он истолкует это сообразно тому, что сам из себя представляет, и использует в соответствии с тем, что сам желает. Символы вмещают в себя все вещи для всех людей, и все же за широким разнообразием их толкований сокрыта та мудрость,

простая и незыблемая, которую могут постичь только воистину мудрые. Воззрения, теории и верования терпят крах; в корне каждого символа — истинное событие. Наш манускрипт изобилует этими завуалированными фактами, и сам автор напоминает нам, что ни одна из его частей не лишена скрытого значения.

«La Tres Sainte Trinosophie» подразделяется на двенадцать разделов. Каждый украшен соответствующим рисунком. Первые разделы, похоже, почерпнули свое вдохновение у неоегипетского ритуала, называемого Ритуалом Мемфиса, а испытания кандидата имеют непосредственное касательство к четырем элементам — земле, воде, огню и воздуху. Гранд-эталоном для всей книги служит Зодиак, к двенадцати знакам которого относятся двенадцать частей данного труда. Зодиак являет собой великий цикл души, а прохождение солнца через зодиакальные символы античные жрецы заимствовали для своих священных хороводов. Древние принимали первый знак зодиака за начало, а последний знак — за конец всей космической активности. Так, Овен олицетворял начало возрождения, или вступление души в свет при весеннем равноденствии философского цикла, тогда как Рыбы символизировали окончание священного странствия и завершение Великого Делания (Magnum Opus).

В этой книге Тройственной Мудрости Сен-Жермен использует, в основном, алхимические символы. Это отнюдь не означает, что он действительно пишет о химических процессах, ибо, по мнению большинства великих алхимиков, изготовление материального золота составляет наименьшую часть их науки. Чтобы уяснить смысл, вкладываемый Сен-Жерменом, и выявить соотношения между зодиакальными знаками и алхимическими процессами, полезна будет следующая таблица:

Пресвятая Тринософия

Овен	Прокаливание	Изгнание животной души жаром. (Очищение огнем устремления).
Телец	Замораживание	Единство частей; достижение целеустремленности.
Близнецы	Фиксация	Состояние отвердевания, фиксация воли.
Рак	Растворение	Растворение или суспензирование в жидком состоянии; универсализация личности.
Лев	Дигеррация	Размягчить посредством жара и влаги; усовершенствовать разум в мудрости (жаре) и воображении (влажности).
Дева	Дистилляция	Отделение летучего принципа от вещества; освобождение души от ее вовлеченности в телесное ограничение.
Весы	Сублимация	Утончение элементарных тел; увеличение вибрационной гармонии тела.
Скорпион	Отделение или разложение	Философская смерть; искусственный распад, при котором духовные и материальные элементы отделяются друг от друга.
Стрелец	Сжигание	Сожжение шлаков; огонь души поглощает тело.
Козерог	Ферментация	Преобразование органического вещества в новые соединения посредством фермента; создание Золотого Человека.

Комментарии М.П.Холла

Водолей	Приумножение	Процесс усиления; адепство.
Рыбы	Проекция	Процесс претворения основной субстанции в Золото; доведение Работы до совершенства; бессмертие; в восточной традиции — состояние Будды.

Порядок этих символов и процессов немного разнится у разных писателей, но принцип всегда остается одним и тем же — претворение не-Я в Я; окрашивание внешней жизни внутренней грацией; проекция души на ее физическое окружение; сублимирование зла в добро; приумножение красоты, любви и истины, пока порошок проекции (мудрость) окончательно не окрасит собою весь мир. Алхимики нам говорят, что мельчайшая частичка «Красного Льва» может превратиться в чистейшее золото, в сто тысяч крат превосходящее ее собственный вес. Мудрость — и только мудрость — может это совершить, ибо один мудрец способен совершенствовать эпохи и малая истина со временем так возрастет, что ее не сможет вместить вся вселенная.

Ритуал, схожий с тем, что изложен в этом труде, описывается в «Пополь Вух» — священной книге центральноамериканских индейцев киче. Неофит в своих исканиях мудрости последовательно проходит двенадцать испытаний: он переплывает реку крови (Овен), затем реку грязи (Телец), он распознает ловушки (Близнецы), вступает в дом мрака (Рак), затем в дом копей (Лев), в дом холода (Дева), в дом тигров (Весы), в дом огня (Скорпион), в дом летучих мышей (Стрелец), где и умирает (сжигание). Рисунок, предваряющий девятую часть манускрипта Сен-Жермена, изображает смерть. Тело

индейца-неофита сжигается на подмостках (Козерог), пепел развеивается по реке (Водолей) и претворяется в человека-рыбу (Рыбы), в форме которого Посвященный, закончивший цикл, убивает злого гения — своего врага — во время Ритуала Посвящения. Двенадцать Правителей Шибальбы¹, Хранителей Мистерий, являются, конечно же, зодиакальными богами.

Следуя за Сен-Жерменом в пласты лавы Везувия, мы воистину «переступаем порог Персефоны». Мы следуем за ним в его духовных поисках истины. Пока что мы читаем только символы и понимаем лишь отчасти, но в конечном счете должны достичь того, чего достиг он сам, и вступить на этот универсальный путь с тем же неколебимым мужеством, которое устремляло его к совершенству Мастера. Символы его взяты из Книги Жизни, и хотя в нашей повседневности мы не встречаем испытаний, описываемых им, все же каждый из нас в рамках своего собственного опыта сталкивается с теми же опасностями, что изображены здесь. Мы бродим в кавернах неуверенности; нас преследуют призрачные формы сомнения; страх похищает наши силы, эгоизм — наше зрение, а невежество — наше мужество. Но все мы алхимики в лаборатории жизни: каждый дистиллирует эликсир опыта. В должное время каждый доведет до совершенства эту таинственную алхимическую жидкость и окрасит ею свой мир и самого себя. Неблагородные металлы нашего нынешнего века посыплет он магическим порошком, который открыла душа его; века Железа, Серебра, Меди и Свинца канут в небытие, и воссияет Золотой Век философов.

¹ Аналог потустороннего мира у племен индейцев киче. — Прим. ред.

Толкование рисунков и текста

Часть 1

Стр. [1] Прекрасно украшенная титульная страница манускрипта — ценный ключ к истолкованию всего труда. Де Живри описывает символы так: «Символизм сего автора египтинизирован в стиле того времени. На титульной странице сего труда мы обнаруживаем птицу Гермеса, древо со золотыми плодами, вазу, в коей успешно завершается работа, первичный материал в форме шара, обьятого двумя крылами, и светящийся треугольник, содержащий Божественное Имя».

В другом месте он добавляет: «Еврейское имя "Ei" начертано справа наряду с иным божественным именем, написанным по-арабски чуть ниже; буквы "AB", расположенные недалеко от последнего, суть признаки алфавита и представляют собою Слово — Божественное Слово. Слева — надпись на древнееврейском, взятая из первых строк Книги Бытия: "Земля же была безвидна и пуста [Тоухвах-Боху], и тьма над бездною. И Дух Божий [Руах Элохим] носился над водою"».

Буквы в золотом треугольнике не образуют сокровенное имя "Jehovah", но, будучи расшифрованы, производят следующие криптические слова: «Дыши вслед за сим Единым». То, что они подразумевают «дыхание души» каббалистов, доказывают крылья

позади сокола Ра¹ в верхнем левом углу. Второй квадрат сверху справа представляет особый интерес для изучающих франкмасонство. Кандидат на посвящение в Мистерии стоит перед алтарем в символической позе — «одна нога его обута, другая разута». Еврейские буквы «AL» (EL), заключенные в небольшой круг, являют собой одно из десяти кабалистических имен Божества, означая «Бог, Создатель», и ассоциируются с Сефирой Хесед, или милосердием. Буквы «AB» суть мистическая подпись автора, который был «отцом» (абба), или владыкою тайной мудрости. Буквы эти являются также и аббревиатурой некоего алхимического процесса. Арабское «божественное имя» в действительности состоит из древнееврейских слов, написанных арабскими иероглифами, гласящими: «Господь, Всевышний, очищает». Еврейская надпись в нижнем левом углу, являясь, несомненно, второй строфой первой главы Книги Бытия, читается не так, как в авторизованной версии. Иероглифы были изменены, равно как и смысл, и, по существу, гласили следующее: «И обратится земля в безлюдную пустыню. И раздаваться будут стенания; и ненависть, и ужас воцарятся на Земле. И дыхание Эл-хима, благодаря присутствию духа, истребит всех, отступивших от Бога».

* * *

В начальной главе своего манускрипта Сен-Жермен искусно рисует «возвратное» состояние человеческой души. Темница инквизиции суть сфера животного сознания человека. Физический мир, в коем преобладают инквизиторские побуждения, является для души камерой пыток и домом испытаний. Для мудрых материальная вселенная есть при-

¹ Бог Солнца в египетской мифологии. — Прим. ред.

ходя, где собираются ожидающие допуска к священным ритуалам. Когда граф говорит о «сем месте изгнания» и «монархах, правящих им», он имеет в виду иллюзорную вселенную и «князей мира сего». Тут и миф о Прометее, — титане, прикованном к скале Кавказских гор за неблагоприятное поведение, и Люцифере, закованном в преисподней за гордость.

На всем протяжении первых страниц умело выводится аллегория о Блудном Сыне. Вначале описывается героическое состояние человечества во время Золотого Века, до того, как грех и смерть вошли в мир. Сен-Жермен изображает самого себя «осыпанным благословениями небес и окруженным такою властью, что человек не в силах даже и вообразить». Граф далее пишет, что «миг один разрушил все». Тайна Падения Человека никогда не разглашалась профану. Великий циклический закон, низвергнувший сонмы огненных Искр в первозданный хаос, известен только избранным. Во тьме хаоса взбунтовавшиеся духи создали свой собственный мир. Они сотворили космос и были заключены в каждом из материальных элементов, волею вызванных к бытию. Когда нижняя земля была закончена, великий Отец возжелал вобрать в Себя Свое блудное творение. Дабы это свершить, Он изверг из Своего собственного существа Свое СЛОВО — Сотер или Мессию. Нисходя из Обители Света, сей небесный Архон утрачивал сияние свое и, облачив свою славу в мрачные одеяния земли, принял на себя крест циклов.

Гностики верили, что физическая вселенная была составлена из отбросов духа. Она являла собой выкидыш космоса. Материальное существование было карой природы за восстание ангелов. Это четко излагалось во время ритуалов посвящения, учивших, что люди возрождались в земных телах в наказание за грех. Достигнувшие совершенства не

рождались более, но, подобно Будде при Великом Освобождении, вступали в Нирвану мудрых — состояние, где нет ни рождений, ни смертей. От темниц материальности мудрецы освобождались, совершая свои эзотерические ритуалы. Став совершенными в мудрости, эти Посвященные прорывались сквозь твердую как алмаз стену смертной сферы и выявлялись в свет Божества.

Алхимическое толкование относится к элементарным духам, заключенным внутри физических форм элементов. Следует отметить, что, проходя через испытания посвящения, Сен-Жермен отождествляет себя с веществом, из которого должен сформироваться Философский Камень. Он и есть сама алхимическая *материя*, проходящая двенадцать циклов очищения. Таким образом, становится ясно, что своей Великой Работой алхимики считали преобразование самих себя. Земля (темница) наполнена семенами-душами драгоценных металлов; в нее они заключены, ожидая Искусства и Мудрости. Как золото пребывает в каждой крупинке песка, но не способно проявиться, пока не подвергнется алхимическим процессам, так и семена истины, красоты и знания пребывают внутри мрачной земли животного организма человека. Рост и совершенство этих драгоценных добродетелей стимулируется дисциплиной, и когда пробьет час, все низшие побуждения и цели претворятся в золото силы души.

Часть 2

Стр. [14] В своих комментариях к «Тринософии» де Живри рассматривает только алхимическое значение символизма данных рисунков. Относительно второй иллюстрации он говорит, что она «изображает человека, вглядывающегося в пророческую

чашу, представляющую собой магическое зеркало. На ножке стола видны соединенные воедино знаки Солнца и Луны; сверху, над фигурой человека, наложенные друг на друга прямоугольники различных цветов указывают на стадии Работы; а двойной знак лингама в круге символически напоминает мужчину и женщину герметиков. Надпись из греческих букв и начертанных иероглифов дает формулу состава Золота, или же Царь-Солнца, полученного посредством смеси золота и серебра, преобразованных животворящей ртутью; с голубым прямоугольником, дающим эту формулу, соединен нижний красный прямоугольник, в котором древнееврейскими буквами вписано правило для пламени печи».

Но тщательный анализ наводит на мысль о более глубоком значении символов. Круг сверху справа, возможно, и фалличен в своем поверхностном смысле, в действительности же являет оккультную монограмму или печать, содержащую две греческие буквы. В переводе они означают «Свет Божий» или «Свет Откровения». Прямоугольники же сверху слева суть элементы. Расположение их — восточное. Нижние четыре элемента венчает пятый — квинтэссенция, таинственный Эфир мудрецов. Надпись на верхней табличке описывает рост семени души, ускоренный теплом восточной четверти (Овен). Есть в ней и упоминание о Дыхании, носящемся в сосуде, или же над водами. Появляется цифра 62, сопровождаемая указанием отворить небесные врата (ясновидение) с помощью сосуда, или чаши. Содержит ли чаша (ковчег) Воду Леты, испив которую, души, нисходя в рождение, утрачивают всю память о своем небесном происхождении? А может быть, она содержит Воду Мнемозины, текущую у врат мудрости и испиваемую адептами — воду памяти, посредством коей душа помнит свою собственную сущность и происхождение?

Женская фигура есть Изида, явленная в своей ипостаси Посвятительницы. Она — сама Природа, а черная юбка ее — физический мир, скрывающий часть ее тела. Обнаженный человек — неофит. Нагим пришел он в мир, и нагим он должен возродиться. Лишенный всех украшений, званий и власти, он не может принести в храм ничего из того, что имеет, — только то, что сам из себя представляет.

Стол, подпираемый Солнцем и Луной, внизу которого горит вечный огонь, являет собой мир. Предметы, что лежат на нем, и те, что держит в руке Изида, суть три символа масти, изображенные на картах Таро. Весь рисунок, фактически, схож с той главной козырной картой Таро, которая называется «Le Bateleur» (Фокусник). Чаша — символ воды, острие копья — огня, а жезл — воздуха. Огонь, воздух и вода — это символы великого Магического Посредника. Имена их на древнееврейском — *Shamah, Ruach и Majim*, а по каббале первые буквы каждого из этих слов — *Sh, R и M* — означают «*Chiram*», известный франкмасонам как Хирам. Это — незримая сущность, отец четырех элементов, называемый «*Chiram Telat Mechasot*» — Хирамом Всеобщим Посредником, единым в сущности, троичным в выражении, в ком сокрыта мудрость всего мира.

Еврейские буквы на табличке над головой Изиды переводятся так: «Из-за страданий следует им прилипнуть к Дарителю», что означает: те (мудрые), кто устал от суетности, должны обратиться к мудрости, дарителю всяческого блага.

* * *

Здесь начинается рассказ о ритуале посвящения. Ученик ожидает назначенного времени во тьме материальной вселенной, являющейся утробой Мистерий. Процесс философского рождения соверша-

ется в соответствии с древним и непреложным законом. Неофит, с наброшенным на голову покрывалом, держа в руке Золотую Ветвь (омела белая), продвигается к железному алтарю.

Выбор Везувия в качестве места посвящения весьма удачен. Жерло вулкана ведет вниз, в глубинные пласты земли, где обитают подземные божеества, коих надобно умиловить в первую очередь. Вулкан также является символом алхимической печи. Покрывало означает, что неофит достиг состояния миста — того, кто видит как сквозь туман, или, как говорилось в христианских мистериях, «будто через стекло смутно». Плиний называет омелу белую «панацеей». Вероятно, именно омелу белую вручили Энею в качестве пропуска в преисподнюю. Сэр Джеймс Фрезер так комментирует церемонию посвящения, описанную Вергилием:

«Если омела белая, словно желтая увядшая ветвь в печальном осеннем лесу, была предназначена вместить в себя источник огня, то мог ли одинокий странник, блуждающий во мраке преисподней, найти себе лучшего спутника, нежели ветвь, которая служила бы лампадой его стопам, лозой и жезлом его рукам? Вооружившись ею, он мог бы смело противостоять жутким призракам, повстречавшимся ему на пути во время опасного путешествия. Потому-то когда Эней, выйдя из леса, подходит к берегам Стикса, медленно извивающегося своими застойными водами через адово болото, и сердитый перевозчик душ отказывается посадить его в ладью, ему ничего не остается, как вытащить Золотую Ветвь из-за пазухи и показать ее; и тотчас ворчун дрожит при виде ее и смиренно принимает героя в свою шаткую лодку, погружающуюся глубоко в воду под необычною тяжестью живого человека».

Омела белая есть паразит и как таковой символизирует небесного человека внутри смертного

тела. Душа растет из тела и в нем, но не состоит из него, ибо как дерево черпает пищу из земли, так и тело получает средства к существованию из материальных источников; но омела белая берет свои жизненные силы не из темного суглинка, но из дерева и воздуха. Омела белая, говорят, светится во тьме и именуется факелом мудрецов. Свечение ее суть свет внутренних органов — аура ума. Держащий ветвь возглашает о своей готовности принять посвящение.

Неофит возлагает ветвь на железный алтарь; он предается закону, принимая ответственность за духовное развитие. Священное Слово произнесено. Освященная ветвь загорается: жертва принята. Земля разверзается. Кандидат низвергается вниз, через Королевские Арки, как в пропасть. Туман рассеивается, обнажая обширную каверну, — темную мать, откуда должно выйти все сущее, — сходную по значению с гротом нимф Порфирия. Длинное белое платье есть бесшовное одеяние Назорея, сотканное из бесконечной нити опыта. Медная лампада есть просветленная любовь, без которой никто не может ступить по узкой стезе мудрости. Облаченный в чистоту, озаренный состраданием и пониманием, неофит проходит по черному сводчатому коридору, ведущему к бессмертию.

Предлинный коридор упирается в квадратную комнату, откуда ведут четыре двери. Это Зала Выбора. Двери символизируют пути, коим душа может следовать. Черная дверь — путь аскетизма и труда; красная — путь веры; голубая — путь чистоты; белая — путь адептства и высочайших Мистерий. В «Бхагавадгите» Кришна описывает эти пути и тех, кто им следует, и возвещает, что последний путь — высочайший и наисовершеннейший.

Неофит входит через черную дверь аскетизма и труда и собирается пройти через красную дверь

просветленной любви, как она тут же затворяется прямо перед ним. Затем он обращается к двери чистоты и жертвы, но и она не пропускает его. Тогда звезда, символ его собственного даймона или гения, стремительно пролетает через белую дверь. Судьба предопределила адептство. Неофит следует за своей звездой.

Алхимический смысл рассказа состоит в том, что в начале Великой Работы власть выбора дается оператору, дабы мог он определить конечную цель, на достижение которой будет направлен его труд. Черная дверь символизирует изготовление материального золота, красная дверь — Универсальное Лекарство для исцеления народов; голубая дверь — Эликсир Жизни, а белая дверь — Философский Камень. Выбранная дверь открывает нам тот аспект Великой Работы, который рассматривает наш автор.

Часть 3

Стр. [23] Два льва — один красный, другой черный — стерегут Венец. Венец есть Кетер, источник мудрости. Царь зверей символизирует благородство и владычество. В стародавние времена фигурки львов украшали троны принцев. Эти животные являлись также и стражами врат, а в Египте Сфинкс, львица с головою человека, охраняла вход в Дом Мистерий.

Надпись на боку льва перевернута. Перевернутый символ означает извращенную власть: так, благородство становится тиранией, а величие ведет к деспотизму. В предисловии к своему труду Сен-Жермен предупреждает своих учеников о двух врагах, коих должен побороть неофит. Одного он называет «злоупотреблением властью», а другого — «неблагоразумием». Черный лев символизирует тиранию, а красный лев — похоть. Стремящиеся

обрести мудрость должны одолеть этих двух животных, если хотят они добраться до Венца, что парит над ними. Черный лев есть искушение власти — импульс к возведению переходящей империи в духовной вселенной. Красный лев есть искушение обладанием. Слуги их в человеческом теле суть чувственные восприятия, совращающие устремленного кандидата с его священного пути и увлекающие его в фантастическую сферу страстей и вождельней. С этими монстрами извращения никакого компромисса быть не может.

Имеющий зрение разглядит висящий в воздухе лук воли и две стрелы с заостренным, как копья, концом. Быстро нужно натянуть тетиву лука и вонзить стрелу в сердце зверей. «Умертви вождельней», — предписывает восточный учитель. «Поддави честолюбие», — писал западный мудрец. Облака, на которых стоят львы, означают недолговечность мирских роскоши и почета, тогда как в безоблачных небесах над ними парит, без подпорки, Золотой Венец. Мудрость является самодостаточным основанием, но все иные тела и состояния нуждаются в поддержке хрупкого вещества, «на которое нанизаны сны».

Табличка надо львами повелевает человеку преклонить колена и поклоняться всемогущему Богу, ниспосылающему любовь Свою в крылатом сиянии из первого угла мира (Овен). Она также уведомляет, что шестой знак, могущественный и мощный, суть окончание и завершение веков. Дева, шестой знак зодиака, есть символ служения и самоотречения, посредством коих можно одолеть львов. Тот, кто отрекается от жизни ради мудрости, взамен обретает жизнь более полную.

Подо львами находится табличка с греческими буквами, означающими: «Каждый должен окропить себя своим собственным вином с горы Хиос. Он дол-

жен испить его в честь Бога, обратившись к лесу. Должен он отдать себя взамен на то, что жаждет он». Слова эти взяты из древнего ритуала. Лес являлся символом Диониса, и в честь именно этого бога леса и виноградной лозы был впервые учрежден ритуал Причастия. Испить собственной крови, или окропить себя своим собственным вином, значит погрузиться во внутреннюю силу души или окраситься ею. Брожение являло собой присутствие Бахуса, или жизни, в виноградном соке, и греки использовали символ опьянения так же, как делают это исламские суфии для изображения экстаза. Человек в состоянии экстаза описывался ими как «опьяненный Богом».

* * *

Первое посвящение — посвящение земное, символизируемое черными ходами в подземных областях вулкана. Дабы пройти это испытание, тело, вплоть до мельчайшей частички своей, должно быть укрощено и превращено в совершенное орудие просветленной воли. Телесные атомы и молекулы должны вибрировать по-новому, пока не останется ни единой части физической ткани, которая не пульсировала бы с духовно направленной энергией.

Вторая мистерия в очередности Ритуала Мемфиса — мистерия воды, и в начале этого отрезка пути кандидат оказывается на берегу огромного подземного озера. Это — море эфира, разделяющего два мира, влажное тело земли, сфера зарождения. Стремящийся достичь невидимого мира должен пересечь это море, то есть стать владыкою производительных сил природы. Ведомый яркою звездой, кандидат бросается в глубь волн. С лампадою на темени (духовный огонь, вознесенный в шишковидную железу), он пробивается сквозь потоки

эфирного мира к владычеству. Силы его угасают, и он взывает к Вселенской Причине о помощи. Появляется ладья, а в ней царь земли с золотой короной на челе. Но ладья плывет *назад*, к берегу, покинутому неофитом. Человек в короне предлагает царства земли, но ученик мудрости, поднявшийся выше таких вещей, не может быть столь легко искушен. Укрепленный мужеством праведного решения, кандидат, с помощью незримых гениев, пробирается к далекому берегу. Пред ним встает серебристая стена луны, госпожи моря, чьи владения он миновал.

Его ожидает посвящение *огненное*. Овладев жизненным принципом природы, контролирующим рост и размножение, кандидат теперь оказывается лицом к лицу с амбицией, огнем гордыни и пылающей тиранией избытка чувств. Он видит львов, символов огня. Ключ к дальнейшим действиям предоставляют иероглифы. Львы, письмена и стена растворяются. Тропа простирается сквозь сферу предвечного пламени.

Алхимическим аспектом символизма является очищение или сильное нагревание элементов Камня. В этом процессе очищения они переходят от земного состояния, через парообразное или жидкое, к огненному, или газообразному, качеству. Лунная влажность, присущая всем телам, должна быть иссушена, ввиду чего греческие философы заявляли, что «сухая душа — душа мудрая». Платоники истолковывали это так, что овладение лунным принципом полагало конец господству разложения, которое, в конечном итоге, разрушает все тела. Луна управляет физическим рождением или увековечением тленных форм, но солнце властвует над духовным возрождением, созданием нетленных тел. Человек есть порождение огня (солнца), воды (луны) и воздуха (птицы Тота). Искушение

царем с золотой короной являет одну из самых распространенных трудностей алхимической традиции. Те, кто пытался овладеть этим искусством, в большинстве случаев терпели неудачу в своих поисках мудрости именно здесь, пленяясь мечтами о богатстве. Материальное золото отвлекает алхимика от его духовных исканий просветления и бессмертия.

Часть 4

Стр. [30] *На алтаре, состоящем из двенадцати колец крылатого змия, обвившегося вокруг копья, покоится чаша Вечной Продолжительности. Эмблема эта заимствована у циклического змия, столь часто использовавшегося в Ритуалах Сераписа.*

Двенадцать колец змия символизируют философский год и спиральное прохождение солнца через зодиакальные созвездия. При изготовлении Камня Мудрецов элементы проходят через двенадцать стадий увеличения. В каждом из этих циклов сила вещества растет, что отражено во все увеличивающемся размере спиральных колец змия. Образ этот также напоминает то, что мудрецы называли философским вихрем — естественную форму силы души в человеческом теле.

В «Разоблаченной Изиде» Е.П.Блаватская пишет: «Прежде чем принять форму яйца или шара, глобус наш являл собою длинный хвост космической пыли или огненного тумана, движущегося и извивающегося подобно змию. Как гласят толкования, сие был Дух Божий, носящийся по Хаосу, пока дыхание его не выносило космическую материю и не придало ей кольцевидную форму». В «Халдейских Оракулах» Вселенский Огонь описывается как движущийся змеевидно. Настоящий символ суть Вселенская Мудрость, носящаяся, подобно крылатому змию, по

поверхности первозданного хаоса — то есть духовно необновленное тело неофита. Ритуал Сабазийских Мистерий включал в себя вытягивание живого змея поперек груди кандидата. На рисунке змий обвился вокруг позвоночника — копья — и образует надлежащую опору для чаши бессмертия.

Близ этого необычного алтаря стоит украшенный бриллиантами меч. На ножнах его едва различимы древние символы: око, сердце и уста, — символизирующие три лица Творящей Триады — жизни в сердце, света в глазу, дыхания во рту. Жизнь, свет и дыхание есть источники всего сущего, и именно из их сочетания в крестообразном символе должен кандидат смастерить себе оружие для защиты от элементарной тьмы. Символ цикла надлежит превзойти мудростью. Это и есть «меч молниеносного решения», коим восточный неопит должен срезать донизу змеевидные ветви мирового баньянового древа — эмблемы самообновляющихся циклов и закона перевоплощения. Змий есть спираль эволюции; чаша содержит блистающее Нирваническое море, куда, в конечном итоге, и погружается душа; меч есть озаренная воля — тот самый меч, который разрешает загадку Гордиева Узла жизни, разрубая его одним ударом.

Криптические слова на верхней табличке предпосылают эту мысль. В переводе они означают: «Свято чти сей сосуд [ковчег или чашу] Вечной Продолжительности; пожертвуй добровольно частичку себя IA'e [Iah'e или Jah'e, Jehovah'e] и углу во искупление». Это заимствовано из символизма халдеев, почитавших Вселенскую Причину за Господа Углов.

* * *

Кандидат вступает в пределы огня. Огромное море пламени (астральный мир) простирается во все стороны, кипит и бурлит адской яростью. Даймон

повелевает кандидату двигаться дальше. Сконцентрировав свои мысли на Реальности, ученик подчиняется и тотчас находит, что огонь утратил свой жар, и он проходит невредимым сквозь полыхающее пламя. Он оказывается в Храме Звездного Огня, посреди коего стоит зеленовато-золотая статуя змия с рубиновыми глазами и ромбовидной чешуей.

Природа огня выявлена четко, ибо нам говорят, что одна половина его горит живым светом, тогда как другая половина окутана тенью и черноватого цвета. Здесь представлен змий астрального света, который, согласно Элифасу Леви, окружает каждый цветок, растущий в саду Камы, или вожделевния. Медитирующему йогу хорошо знаком смысл Дома Огня и змия, стерегущего его. Здесь кандидат раскрывает значение Вселенского Огня-Духа; обращенный книзу, он являет собою корень всего зла, но будучи поднят вверх, влечет всех людей к мудрости. Змий-огонь должен быть поражен. Меч находится под рукой, и им кандидат ударяет о латунные кольца. Латунь — сложный металл, символизирующий тело человека до того, как, посредством философии, оно распадается на свои простые элементы. Владыка Мира Огня покорен. Чувства обузданы; страсти под железною пятою воли. Гнев, ненависть и гордыня изгнаны из души. Три огня иллюзии потухли. Весь мираж астрального света исчезает со страшным взрывом звука и цвета. Кандидат возносится через Арки подземного мира. Стремительно проносится он сквозь монстров, обитающих на границах эксцесса. Крестообразный меч рассеивает мерзкое скопище тьмы. Все выше и выше, сквозь многочисленные слои шара (орбиты внутренних звезд) поднимается неопит после трех дней (уровней) своего пребывания во тьме Гадеса. Камень отброшен и, наконец, во вспышке сияния восходит

он к дневному свету — воздушной сфере, где обитает ум, который надо одолеть следующим.

Алхимическая аллегория вполне ясна. Круглое пространство есть дистиллирующий сосуд, стоящий посреди пламени печи. Змий символизирует элементы внутри реторты, а кандидат представляет собой иные элементы, могущие растворять и разъедать змия. Восхождение кандидата сквозь стелы шара означает здесь пары, кои, подымаясь через узкое горлышко дистиллирующего сосуда, избегают накалившегося ада внизу.

Часть 5

Стр. [36] Необычная птица, парящая над огнем алтаря, есть священный Ибис, символ Тота, египетского бога мудрости и письма, равно как и покровителя алхимии. Это — летучая философская Ртуть, могущая пребывать в суспензированном состоянии только «в пламени». Под философской Ртутью мы должны понимать духовно преображенный принцип разума — ум, воистину просветленный пламенем вдохновения. В клюве своем птица держит зеленую ветвь — акацию франкмасонства — символ возрождения и бессмертия через духовное просветление. Черные лапки и крылья означают принцип земли, серебряное туловище — принцип воды, красная голова — принцип огня, а золотая шея — принцип воздуха. Духовные тела элементов, таким образом, сливаются воедино в философском созидании, птице мудрецов — фениксе.

Близ птицы и алтаря — изысканный подсвечник, основание коего образуют обвившиеся змеи (Ида и Пингала?). Подсвечник венчается цветком лотоса, на котором высится зажженная восковая свеча. Это свет души, внутреннее сияние, раскрывающее тайну птицы. Как внешнее существование челове-

ка освещается внешним солнцем, посредством которого он воспринимает все преходящее, так и внутреннее состояние его озаряется светом души, сияние коего выявляет труды божественного ума внутри.

Надпись внизу гласит: «Ноша дается сильному». Это относится к наличию качеств, необходимых для адепства. Великие истины жизни могут быть доверены только тем, кто испытан на основные свойства характера и понимание. На табличке сверху читателю предписывается: «Возжги огонь на высоком месте, дабы жертва вознеслась к Желанному»¹. Символизм заимствован из обрядов древних евреев: на алтаре из сжигаемых благовоний постоянно горел огонь. Это есть огонь сокровенного устремления, поглощающего грубые элементы тела и претворяющего их в качества души, символизируемые дымом благовоний; и восходят они как свидетельство духовного завета между устремленным человечеством и его Создателем.

Табличка справа описывает церемонию, сопровождающую разведение священного огня. Та, что слева, представляет собой часть ритуала и гласит следующее: «Когда лета сего существования придут к концу, и душа, выдыхание в момент смерти, приблизится к вратам бессмертия, да перенесет ее быстро птица в обитель мудрых». В египетских ритуалах душа Посвященного отлетала в форме птицы, явленной парящей над ложем, на котором покоится мумия. Душа-птица с зеленою ветвью относится к Мессианской Мистерии, изложенной в «Книге Мертвых». Мудрость дарует душе бессмертие. Без мудрости душа погибает вместе с телом.

¹ Е.П.Блаватская в «Тайной Доктрине» указывает следующее: «В оккультизме выражение “возжечь огонь” является синонимом вызывания одной из трех великих Огненных Сил или призывания Бога» (т. I, с.145, русск. изд.). — Прим. пер.

Это — тайна ритуала *Появляющегося Днем и Выдыхающего Ка.*

* * *

Далее кандидат узнает тайну принципа *воздуха*, или разума. Из подземных глубин поднимает его ангел-хранитель и возносит в более высокую атмосферу. Под ним распростерта пустыня. Особое внимание обращено на треугольные массы — пирамиды. Древний манускрипт, имеющийся в нашей коллекции, утверждает, что египтяне могли изготавливать Философский Камень без искусственного жара, закапывая реторту в песок пустыни, представлявший точную температуру для алхимических экспериментов. Пустыня здесь является символом засушливости и бесплодности непробужденного сознания. В физической вселенной духовные ценности чахнут, и все же посреди этой смертной сферы стоят пирамиды, высшие символы духовной алхимии — храмы посвящения в пустыне ожидания. Знаменательно, что атмосфера Египта особо способствует увековечиванию древних монументов знания, которые, будучи сняты со своего старого фундамента, быстро разрушаются. Таким образом, материальная жизнь — пустыня — суть естественная лаборатория, где высшая химия постигается через страдание и устремление.

Рассказ о вознесениях и падениях кандидата сквозь пространство имеет отношение к смене состояния веществ в реторте, когда они превращаются в жидкость и выпадают в осадок, прежде чем вытечь через горлышко сосуда. Гермес использует этот образ для изложения тайны перевоплощения, периодической смены состояния души, — от переходящего к звездному, — и ее окончательного освобождения через посвящение. Достигнув высшего предела интеллектуальной сферы, кандидат не спо-

собен к дальнейшей деятельности и падает в обморок.

Очнувшись, он обнаруживает, что облачен в сияющее одеяние, то самое, о котором говорил Апулей в своих «Метаморфозах» и что носили адепты митраистского ритуала. Лучистое одеяние символизирует не только аурическое тело, но и новый вселенский аспект бытия — звездное сознание, дарованное опытом посвящения. Кандидат может вернуться к ограниченности своего физического окружения, но он никогда уже не сможет сузить свое сознание только материальным состоянием. Звездное тело есть его духовно преображенный и озаренный разум.

Странные иероглифы, раскрывающие имя *птицы* с зеленою ветвью, будучи расшифрованы, означают: «Дана будет жизнь» — то есть бессмертие. Имя *алтаря* читается как «Венец, Кетер» и расшифровывается следующим образом: «Когда появятся врата входа». Синтез этих двух фраз звучит так: «Бессмертие будет даровано у врат Дома Мудрости». Имя *факела* — *Свет*; но в переводе иероглифы означают: «Последнее должно быть сокрыто и забыто». Этот чекан пророка следует понимать в смысле масти монет в колоде карт Таро, ибо масть эта изображает материальное тело, над коим властвует данный символ. Изречение, следовательно, может гласить: «Тело мудреца должно быть сокрыто». Мысли этой преданно следовали древние адепты. Гробницы посвященных никогда не были обнаружены, и на известном кладбище розенкрейцеров места упокоения братьев отмечены только розой. Во время церемоний посвящения, проходивших в мирах невидимых, физическое тело неопита прятало в потаенном месте, где его не могли потревожить никакие силы, пока душа постигала тайны Аменти. Тело здесь также символизирует личность и всю

личную сферу жизни, которая должна быть отброшена и забыта; равно как и личное эго, которое должно умереть, или быть предано забвению, чтобы из семени родилось Вселенское «Я».

Часть 6

Стр. [43] Алтарь, описываемый нашим автором как состоящий из четырех элементов, имеет треугольную форму. В результате чего образуются два священных числа: квадрат 4 плюс треугольник 3, что равняется 7; а четыре элемента алтаря, помноженные на треугольник, дают 12. Из этого становится ясным устройство мира. Природа является собой треугольное расположение четырех элементов; и божественный мир, чьим неотъемлемым символом является зодиак, состоит из этих элементов, умноженных трижды, или же в их трех начальных состояниях. Алтарь есть человеческое тело; его материальные части — квадрат — расположены в духовном порядке — треугольником. На алтаре помещены три символа из предыдущей иллюстрации. И размещены они так, что образуют треугольник, и под ними мы должны понимать соль, серу и ртуть — тело, дух и душу.

В воздухе над алтарем — крест ансата, символ порождения и плодовитости. Его можно принять за медь — металл Венеры и символ репродуктивной энергии души. Венера есть Люцифер древних, носитель света, звезда самопознания. Символ этот должен напоминать мудрецу, что сила приумножения присуща как внутреннему, так и внешнему человеку. Как тела порождают тела, так и внутреннее тело, душа, порождает архетипы личностей. Через алхимию мудрость увековечивает себя, применяя в своих целях те же законы, благодаря которым в материальной сфере сохраняются формы.

Весь рисунок — символ духовного рода, тайна Мельхиседека, который есть собственный отец и собственная мать и превыше закона. Он изображает извечное воспроизводство энергии посредством использования Камня и повествует о той самой силе, которой владел сам Сен-Жермен, — в виде таинственного эликсира, помогавшего продлевать существование из века в век и тайна коего была известна лишь ему и его Учителям. Сначала три части сложного человека — дух, душа и тело — должны быть приведены в состояние равновесия, и именно из этого равновесия рождается Гомункул, или Кристальный Человек. Этот человек есть вечно порождающее эго, способное осаждать личности по своей воле, не измененное этими самыми личностями и не ограниченное ими. Вместо души, обитающей в теле и скованной его ограничениями, утверждается новое состояние: тело обитает в душе. Для адепта физическая форма — лишь инструмент для выражения сознания, ума и действия, символизированных свечой, птицей и горящим алтарем.

* * *

Эта часть содержит один из самых прекрасных символов во всем манускрипте. Кандидат, вырвавшись за пределы четырех элементов, теперь восходит в сферу высших причинностей, где его наставляют в величайших каббалистических принципах, посредством которых сохраняется целостность вселенной. Дворец есть сфера архетипов — «мир идей» Платона. Простое геометрическое расположение обнажает божественную гармонию.

Двери архетипного мира распахиваются настежь, и вперед выступает Иерофант Ордена. Это именно его величали Владыкою Дома Сокрытого, Посвятителем, Хранителем Ключей Тота. Алхимия есть религия огня, равно как и Зороастризм. Пото-

му-то Маг носит знаки отличия Зороастра и говорит на языке Пророка Огня. Имена, даваемые Иерофантом *птице, факелу и алтарю* суть те, что даны в предыдущей части.

В обществе Посвятителя кандидат вступает в огромный храм, 360 колонн которого не оставляют никаких сомнений относительно его тождественности со вселенной. Алтарь, уже описанный, является тройкою причиной материальной сферы, помещается *посреди просторной залы*. Затем Иерофант сообщает ученику новые имена, данные священным предметам. *Птица* названа «Amrheercha», что в переводе означает «мать должна иметь подобие, или близнеца». Здесь намек на Непорочное Зачатие и Тайную Доктрину как мать адептов. Именем *алтаря*, похоже, является слово, обозначающее *жреца*, но относящееся к Посвятителю, как к тому, кто дает второе, или философское, рождение ученику — тайна, более полно объясненная именем *факел*. Зала названа «Небесами» (твердью небесной), но ее иероглифы предпосылают каббалистическое наставление: «Поклоняйся славе, что грядет». Треугольный алтарь есть Атанор, дигерирующая печь с автоматической подачей топлива, используемая алхимиками, но слово это можно разделить на две части. Первая означает бессмертие, а вторая — четыре небесные четверти.

Восемьдесят один Трон, помещенный внутри дворца Небес, каждый поверх девяти ступенек, имеет огромное значение. Мистерии розенкрейцеров состояли из девяти малых и трех великих ритуалов или степеней — системы, которую можно проследить вплоть до каббалы. Из Кетер, вселенского Венца, исходят девять Сефиротов, и каждый, в свою очередь, эмануирует девять других. Девять есть священное число Человека, и в древней каббале Адам (АДМ) суть цифровой эквивалент чисел 1, 4

и 40, в сумме дающих девять. Символизмом числа девять проникнута вся мистическая литература. Элевсинские Мистерии давались в девяти ночных ритуалах, дабы символизировать месяцы внутриутробной эпохи. При каббалистическом методе сложения восемьдесят один равен девяти, и Троны означают восемьдесят одну ветвь, произрастающую на великом Древе Мира. Школы Малых Мистерий созданы по образцу вселенской гармонии, и здесь нам явлено устройство тайного Братства.

Имя огромной залы упоминается в тексте как место, куда входят досточтимые члены школы и где они занимают свои места. Ученик получает свое философское имя. Он назван Мудрецом и слово это означает «Быть Ликом или Проявителем Превышнего». Затем девять мастеров логи преподносят свои дары. Первый дарит куб с серою землею, символизирующий элемент земли; второй — три цилиндра из черного камня — три фазы Луны; третий — круглый кристалл — Меркурий; четвертый — гребень из синих перьев — Венеру; пятый — серебряную вазу — Солнце; шестой — виноградную гроздь — Марс; седьмой — *птицу* — Юпитер; восьмой — *небольшой алтарь* — Сатурн и девятый — *факел* — неподвижные звезды. Чтобы понять значение этих даров, вдумайтесь в следующие отрывки из «Пэмандра» Гермеса, относящиеся к восхождению души по девяти сферам и возвращению ею даров, или ограничений, наложенных законами порождения, Владыкам каждой из этих сфер:

«После того, как низшая природа вернулась к плотности (элементам), высшая вновь старается обрести свое духовное достоинство. Она восходит к семи Кольцам, на коих восседают Семь Управителей, и возвращает каждому его низшие силы таким образом: на первом кольце восседают Луна, и ей возвращается способность к прибавлению и убав-

лению. На втором кольце восседает Меркурий, и ему возвращаются козни, обман и лукавство. На третьем кольце восседает Венера, и ей возвращаются похоть и страсти. На четвертом кольце восседает Солнце, и сему Владыке возвращаются амбиции. На пятом кольце восседает Марс, и ему возвращаются опрометчивость и святотатственная дерзость. На шестом кольце восседает Юпитер, и ему возвращается страсть к накоплению и богатству. И на седьмом кольце, у Врат Хаоса, восседает Сатурн, и ему возвращаются ложь и злые умыслы.

Затем, лишившись всех накоплений семи Колец, душа восходит к Восьмой Сфере, а именно, к кольцу неподвижных звезд. Здесь, свободная от всех иллюзий, она обитает в Сиянии Света и поет хвалы Отцу голосом, понятным лишь чистым духом».

Имя куба с серою землею имеет отношение к тайне духовного рождения; имя трех черных цилиндров есть «самоотверженность»; имя круглого кристалла означает «конец веков, или циклов»; имя синих перьев есть Водолей, или Нога Большого Человека; имя серебряной вазы — «рождение духа»; имя виноградной лозы — «возрождение»; имя птицы — «пребывающие в свете, или истине»; имя алтаря — «плоды добродетели, или высшее благо»; имя факела — «выступающий вперед», египетское *Появляющийся Днем* — завершение, девятая тайна. То, что факел действительно является символом сферы неподвижных звезд и соответствующих пластов человеческой души, доказывает нам в дальнейшем сам манускрипт, повествующий о том, что она состоит из блистающих частиц.

Тайна девяти частей души являет завершение Малых Мистерий и полный контроль над всеми физическими способностями, функциями и силами. Три Великие Мистерии — вне их границ и все же символизируются птицей, факелом и светом.

Малые Мистерии суть ритуалы самоконтроля и очищения; Великие Мистерии суть ритуалы творения. В течение девяти процессов человек очищается, но только горстке доверяются ключи к тройной Тайне творения: сотворение формы, сотворение мысли и сотворение сознания. Прежде чем покинуть комнату Посвящения, кандидат пьет Воду Жизни, нектар богов, который, согласно толкованиям философов, символизирует кровь Логоса, или Солнца, — божественной энергии, поддерживающей избранных и непрестанно струящейся в Граале Мистерий. Греки верили, что боги не отвеживают яства смертных, но вкушают из источников Вечного Блага, бьющих среди миров. Подав тайный знак adeptам, новый Посвященный удаляется из комнаты тропею правой руки.

Часть 7

Стр. [54] Ключом к седьмой иллюстрации служит равновесие, представляющее собой добродетель, дарованную седьмым знаком зодиака — Весами, Уравновешенностью. Наш автор говорит нам, что лейтмотив рисунка — два небольших круга и свисающий крест — суть священная печать. Это может быть истолковано как небесная сера и соль — Солнце и Луна. Свисающий крест есть «Lapis Philosophorum» преобразенных элементов — Соли (земли), Серы (огня), Ртуту (воздуха) и Азота — эфира («воды мудрецов»). Солнце и Луна — отец и мать Философского Камня. Они символизируют небеса и землю, порождающие крест — человека, отпрыска двух бессмертных посредников — духа и материи.

Крест также означает равновесие человека, подвешенного между своим источником и неизбежностью. Расположение фигур выявляет адепта, —

в ком слились воедино все противоположности. Посвященный есть разумный андрогин.

Центральная часть символа окружена двумя кругами с эмблемами. Внутренний круг состоит из клинописи; внешний покрыт иероглифами, заимствованными из нескольких древних языков, расположенными совершенно произвольно и не поддающимися расшифровке без подлинного ключа. Круг с клинописью надлежит истолковывать путем нахождения еврейских эквивалентов клиновидных письмен. Текст, очевидно, пророческий, и при первом прочтении может показаться, что он относится к космическому изменению, возникающему из-за нарушения небесного Равновесия. Однако материал этот фактически повествует только об изменениях, долженствующих произойти в душе Посвященного. Клинообразный древнееврейский, являясь, вероятно, продолжением внешнего круга с иероглифическим текстом, гласит следующее:

«И есть выдыхание Вечной Продолжительности. Знай, что место сие [знак или символ, возможно, зодиакальное созвездие] есть конец [веков]. Нога [Водолей, относящийся, по-видимому, к Веку Водолея] есть начало разрушения». В зодиакальном цикле адепства Водолей представляет собой символ окончательной дезинтеграции личности, ибо за ним простираются лишь Рыбы — Нирвана.

В своем манускрипте Сен-Жермен также описывает топор, не изображенный на иллюстрации. Он есть орудие отделения и прекрасно вписывается в интерпретацию всего рисунка. Вся эта эмблема подвешена между двумя колоннами из зеленого мрамора. Они вполне могут быть Якином и Боазом франкмасонства¹. Изучающие каббалу припомнят

¹ Якин и Боаз (евр.) — каббалистический и масонский символ. Два столба из бронзы (Якин — мужской, белый; Боаз — женский, красный), отлитые для предполагаемого Соло-

третью колонну, объединяющую эти две, которая, подобно великой печати на этом рисунке, символизирует адепта, чья усовершенствованная конституция соединила воедино мудрость и порождение — закон и пророков.

* * *

Посвященный вновь наделяется атрибутами алхимического вещества, из которого должен быть изготовлен Универсальный Камень. Весь раздел посвящен процессам очищения, состоящим из трех омовений. В результате первого омовения вода в стальном сосуде изменяет свой цвет вследствие примесей, выделяемых философской материей. Во время второго омовения элементы Камня пропитываются таинственной красноватой жидкостью чрезвычайно коррозионного свойства. В течение третьего омовения коррозионный принцип смывается. Три этих процесса, занимающих шестнадцать дней, полностью очищают материю, переходящую затем к последующей стадии увеличения.

С мистической точки зрения купель, наполненная кристально чистой водой, есть сосуд для омовений, помещенный во дворе Скинии древних евреев. Первосвященники, слуги Господни, должны очиститься водой из сосуда для омовений, прежде чем смогут они исполнять священные обязанности, возложенные на них их саном. Обряд крещения — лишь внешний символ сокровенной истины. Абсолютная Причина всего сущего в своем безличном и всецело рассеянном состоянии рассматривалась

монова (масонского) Храма. Якин был символом Мудрости, второй сефиры, а Боаз — символом Разума; храм между ними рассматривался как Кэтер, Венец. См. также 3 Царств, 7:21 — «...и поставил столбы к притвору храма; поставил столб на правой стороне, и дал ему имя Иахин, и поставил столб на левой стороне, и дал ему имя Воаз». — Прим. пер.

как обширный океан, наполняющий все пространство. Шамаим — божественная огненная вода, истекающая из Слова Божия — извергается из божественного Присутствия. Разделяя на среднем плане дух и материю, он становится солнечным огнем и лунной водой. Шамаим был известен алхимикам как Универсальный Меркурий и именовался Азотом — безграничным Духом Жизни. Эта духовная огненная изначальная вода протекает через Эдем (что на еврейском означает «пар») и впадает в четыре главные реки — составляющие элементы Вселенского Меркурия. Это есть *окрашивающая вода*, которую крестят праведных. Это та вода, Вселенский Меркурий, растворитель мудрецов, которую дается духовное крещение. Тот, кто погружается в эту воду или получает небесный Шамаим внутрь, очищается. Этот Шамаим содержит в себе двойное крещение. Его лунная сила крестит водою — крещение, данное Иоанном Крестителем; но его солнечный принцип крестит огнем — Мессианское крещение.

Посвященные древних Мистерий, возвысившись до состояния просветления, получали божественное крещение. Они погружались в Бога и погружением этим смывали черное пятно первородного греха, который, согласно Магомету, гнездится в душе каждого смертного. Шамаим алхимиков есть Блещающее Море буддистов, безграничный океан Нирваны, вода пространства, непрестанно излучающая свет Божества.

Серебряный топор с синей рукоятью, прикрепленный к колонне, именуется *разрушителем*, что в переводе означает: «Пой во весь голос песнь». Топор — древний символ Посвященных Строителей, «дровосеков». Также он есть и эмблема отделения, или разделения, и подходящий образ для символического изображения отделения через очищение.

Знак Весов, управляющий седьмой операцией философской мистерии, отделяет нижнее полушарие зодиака от верхнего. Также он есть и древний знак Пасхи, праздника, символизировавшего переход жизни от материального состояния к нематериальному посредством алхимического крещения. Грубые частицы души смываются, и жизнь приуготовлена к бесплотному существованию.

Часть 8

Стр. [60] В небесах сияет философское солнце, внутри него — лик Логоса. Лучи его сокрыты теми же облаками, что извечно должны скрывать Божественный Свет от глаз профана. Лев теперь увенчан короной; она испускает семь лучей, символизирующих семь энергий воли. Это уже не деспотичный лев более ранней иллюстрации. Амбиция претворилась в устремление; и тот духовно невозрожденный импульс, который пленяет людей, увлекая их к временному разрушению, ныне являет собою силу, дающую мужество духовному дерзновению.

Кисть винограда символизирует озарение. Один любопытный труд по алхимии утверждает, что виноградная лоза питает особую симпатию к золоту и что если виноградники насажены в местах, изобилующих золотом, корни лозы поглощают мельчайшие частицы этого драгоценного металла и разносят их по стеблю, листьям и плодам. В алхимии золото является символом Высшего Принципа. Назорей уподоблял Своих учеников и Себя виноградной лозе и ее плодам. Виноградная гроздь — подходящий символ для школы адептов, ибо посвященные растут вместе на единой ветви. Здесь также и тонкий намек на кровь, несущую в себе золотые частички солнца. Лев и виноград подтверждают древнюю формулу — мудрость и порождение.

Таблички с иероглифами по обеим сторонам жаровни содержат отрывки из древних ритуалов и текстов мистерий. Та, что справа, гласит: «Возжги огонь в назначенное время — седьмой час рассвета». За этим следует туманная ссылка на огонь, грядущий в полное солнце (полдень), и табличка заканчивается наставлением: «Танцуй по кругу и прочествуй».

Табличка слева также описывает некую церемонию: «Чести удостоивается Жизнедатель». Посвященному предписывается пожертвовать свою Ка, или душу. Появляется цифра 9 и символ ковчега, или гроба, в котором захоранивают кандидата во время мистерии. Затем предстает полный лик солнца, символизируя воскрешение, — здесь намек на врата в небесах и вознесение Ка. С помощью египетской метафизики эти символы нетрудно расшифровать. Цифра 9 относится к девяти Малым Мистериям, ассоциирующимся с ящиком или гробом — телом. Солнечный лик суть воскрешение, а вся табличка описывает прохождение души (Ка) через невидимые миры, как это раскрывает символизм Ритуалов Пирамид. Эти символы не случайно помещены в восьмом разделе манускрипта, поскольку восьмым знаком зодиака является Скорпион, и отчасти именно в силу этого знака первосвященник отпустил Ка своего ученика в Аменти.

* * *

Восьмой раздел манускрипта почти всецело посвящен постижению тайны алхимической соли. Об этой тайне алхимии Элифас Леви пишет: «Отделить тончайшее от грубого — значит освободить душу от предрассудков и [ото] всех пороков, что достигается использованием Философской Соли, то есть мудрости; Ртути, то есть личного умения и усердия; и, наконец, Серы, символизирующей жизненную

энергию и огонь воли. Ими способны мы пресушить в духовное золото то, что наименее ценно, даже отбросы земли». Соль мудрецов есть мудрость, почерпнутая из опыта, ибо опыт есть соль приземленности, или материального состояния, а мудрец есть соль земли. В нашем манускрипте соль названа «первой среди преображенных». Когда Посвященный пропитывается солью, это означает, что он обращает мудрость в часть самое себя. Соль есть охранитель тел, равно как мудрость есть охранитель душ. Разложение минует того, кто обрел соль мудрецов.

Покинув круглую комнату и массу белой блистающей соли, Посвященный приближается к берегу мрачного озера и различает вдали мост, называемый *сильные да покорятся*. Символ этот также означает отражатель, или тень, нависшую над озером, и предпосылает Мост-Радугу, скандинавский Биврест, — мост, ведущий от земли ввысь в Асгард — земной рай, где обитают двенадцать Асов, Иерофантов мира.

Восьмым знаком Зодиака является Скорпион, прекрасно представленный темными мрачными водами. Знак Скорпиона особо почитали розенрейцеры, совершавшие некоторые свои ритуалы только тогда, когда солнце находилось в этом созвездии. С огромным трудом пробирается Посвященный через болото Скорпиона, дабы достичь величественного храма Стрельца, маячащего в вышине впереди.

Часть 9

Стр. [65] Поскольку эта часть манускрипта имеет отношение к Стрельцу, то не случайно в ее символизме появляется образ коня. Троянский Конь, скрывающийся во чреве своем воинство греков-поко-

рителей, представляет собой оккультную силу этого созвездия, посредством коей были окончательно сокрушены троянцы (материальный мир), защищавшие Елену (лунный принцип). В астрологии девятый дом, соответствующий Стрельцу, есть дом священнического класса, жречества, или Мистерий. Полая лошадь с воинами внутри есть, стало быть, храм и его адепты.

На нашем рисунке символизм этот находит неожиданное применение. Из коня выпадает труп. Физическое тело не может переступить за девятый градус, следовательно, оно должно быть сброшено здесь. Форма не может следовать дальше — труп низвергается из храма.

Арабский текст сверху иллюстрации гласит: «Тайное должно быть явлено», или «сокрытые вещи [грехи] должны быть совлечены». Клинопись содержит следующую легенду: «Врата конца [окончания, или завершения], когда Нога, или Водонос, обернется по кругу [равноденствие в Водолее]». В рамке, походящей на ящик, следующий текст: «Немногие избранные — сколько их? Сорок, собирающихся в братской любви в четырех четвертях, и Птица. Здесь внизу [в брэнной сфере] состоится [сретенье или собрание], пока оно не сменится пришествием в четвертой четверти [Водолей]».

Прописные буквы «МВ» относятся к алхимическому процессу, посредством коего достигается умерщвление и разрушение плоти. Витиеватые буквы суть слова, которые нужно закончить, добавляя к ним другие буквы. После чего предложение будет читаться так: «Ищи всемогущего Господа, который есть страж Древа Жизни». В нижней половине рисунка человек, облаченный в красное, пытается возродить к жизни труп. Это есть огонь (или железо), старающийся оживить пепел — алхимическая эмблема.

* * *

На девятой ступени ритуала Посвященный остается лицом к лицу с последним величайшим врагом — смертью, которую надо познать на опыте, понять и попать. Во мраке огромной комнаты, с ее черными стенами, он различает странного Троянского Коня. Здесь разложение, конец всего невежества и врата жизни. Посвященный проводит девять дней, размышляя над этой тайной, и уже собирается взять часть загрязненного и распадающегося вещества, скученного в углу, как незримый голос предупреждает его, что время еще не пришло.

В Стрельце, девятом знаке зодиака, теория философии доводится до совершенства, ибо мир сотворен был за шесть дней, но Искусство совершенствуется за девять.

Гермес пишет: «Но это приумножение [увеличение Философского Камня] не может производиться бесконечно, но достигает завершения в процессе девятой перегонки; ибо когда тинктура эта подверглась перегонке девять раз, она далее не может сгуститься, так как более не допускает деления на фракции». После теории приходит практика, после операции следует применение. Адепт, сознавая, что он уже владеет силою окрашивать материю, собирается экспериментировать с черной гниющей землей в девятой комнате, но ему воспрещается это делать. Он должен еще получить три Большие Ключа, ибо сила завершения трансмутации будет несовершенной, пока духовное зрение не раскроет необходимых целей, которых должен достичь адепт.

Покинув дом разложения, Посвященный замечает, что платье его изменило цвет и стало изумительно зеленым. Это прямая ссылка на алхимическую формулу. Нам говорят, что в процессе дигерирования алхимическое вещество изменило свой

цвет, что дало повод называть его павлином, вследствие переливчатости его цветов во время одного из периодов дигерирования. Одеяния различных цветов, носимые жрецами нескольких степеней, символизировали стадии духовного развития. По тому же правилу, при изготовлении Камня Мудрецов основное вещество проходит через философский спектр, изменяя один цвет на другой, в зависимости от цели, которую хочет достичь оператор.

Три криптские слова, заключающие эту часть, придают следующий смысл последнему предложению: «Имя сей залы есть разложение. Имя первого озера есть начало разложения, имя второго озера — конец разложения». Три зашифрованных слова, будучи объединены, имеют такое значение: «Разложение есть начало гниения, и за разложением следует смерть». При совершенствовании Камня Мудрецов было обнаружено, что различные элементы не могут вступать в новые основные сочетания, пока каждый из них не будет низведен до простейшего изначального состояния. Это низведение или разрушение личности элементов и есть философское *разложение*, которое, будучи свершено *Искусством*, разрушает все явные различия алхимических материалов и приводит к тому, что абсолютное смешение их принципов завершается формированием божественного Камня. Мистически философская смерть есть разрушение многочисленных аспектов личности, дабы из души и ее расширений (божественных элементов) могла сформироваться Алмазная Душа Креста Розы.

Часть 10

Стр. [73] *Человек, облаченный в зеленое одеяние с золотой каймой и держащий копье, поднимается среди паробразных облаков из открытого саркофа-*

га. Над человеческой фигурой висит золотой венец света. Все это символизирует годовое возрождение солнца в десятом зодиакальном знаке — зимнее солнцестояние в Козероге. В качестве десятого знака философского года этот иероглиф повествует о кресте из трех Великих Мистерий, управляемых созвездиями Козерога, Водолея и Рыб.

Рисунок изображает конечную победу одухотворенной души над ограничениями телесной гробницы. Зеленое одеяние знаменует адепта, облаченного в свою просветленную душу, находящуюся под управлением Венеры. Табличка на груди содержит криптские буквы, означающие ЖИЗНЬ. Посвященный достиг бессмертия. Для него гробница навечно пребудет пустою. Он стал одним из немногих просветленных, «забвенных смертью».

Арабские иероглифы на крышке гроба указуют Избранным, что они должны прибегнуть к некоей необозначенной тайне, «когда шестой знак или век станет дыханием». Слова эти, очевидно, относятся к частям ритуала. То, к чему следует прибегнуть, суть «секрет секретов алхимии». Гробница есть также место упокоения магистра магии, чье «dernier» (или тело) было сокрыто, как явствует из более ранней иллюстрации.

В одной из старинных книг розенкрейцеров описывается любопытный обычай Братьев. Говорится, что они время от времени удалялись в свои стеклянные яйца¹, где почивали определенное количество лет, после чего прорывались сквозь стены и выявлялись вновь. Эта аллегория, в свою очередь, подразумевает периодическое изъятие Мистерий из общества и их возрождение по истечении определенного

¹ Стеклянный сосуд, который назывался также философским яйцом, в котором хоронились Братья. После определенного периода философ, разбив скорлупу своего яйца, выходил и действовал. — Прим. ред.

срока. Надпись наводит нас на мысль, что периоды, когда Братство проявляется из небытия, регулируются астрономическими циклами зодиака. Мы узнаем из символов, что «когда шестой знак будет жизнедателем, я проявлюсь».

Иероглифы на табличке сверху страницы описывают философское возрождение. По существу они гласят: «Освободиться с радостным кликом, когда низвергнется ливень святого Духа». Здесь также есть упоминание о завете, заключенном кровью с Единым в период четвертой четверти, то есть Водоноса с Ликом (Водолей).

* * *

За смертью следует возрождение. Человеку надлежит умирать много раз, прежде чем сможет он достичь окончательного бессмертия. Бабочка, украшающая порталы алебастрового дворца, ясно указывает, что тайна возрождения составляет предмет десятого посвящения. «Три стадии, через которые проходит бабочка в своем развитии, соответствуют трем степеням Школы Мистерий, каковые степени рассматриваются как завершающие развитие человека путем придания ему символических крыльев, с помощью коих он может воспарить к небесам. Не преображенный духовно человек, невежественный и беспомощный, символизируется стадией между яйцом и личинкой; ученик, ищущий истину и предающийся медитации — второй стадией, от личинки до куколки, когда насекомое входит в свою хризалиду (гробницу Мистерий); третья стадия — от куколки до имаго¹ (где рождается совершенная бабочка) — олицетворяет раскрывшуюся и просветленную душу Посвященного, восстающего из гробницы своей низшей природы» (см. мою

¹ Последняя стадия развития насекомого. — Прим. ред.

«Encyclopedic Outline of Symbolical Philosophy»)¹. Троякую тайну бабочки предпосылает и тройная коллонада, разделенная проходами.

Криптическое имя залы указывает, что она символизирует жизненный цикл, а также сферу возмездия. В переводе оно читается так: «При извержении Всемогущего [гонители и супостаты] будут заключены в темницу и повержены». Фон Веллинг в своей работе «Orus» рассказывает, как восставшие ангелы — элементарные духи — были водворены в темные элементы материальной вселенной в наказание за свое восстание. Потому алхимия есть искусство очищения этих недовольных и возвращения их к изначальному небесному состоянию.

Часть II

Стр. [78] Как десятая иллюстрация являет окончательное освобождение Божественного Человека от его физических ограничений, так одиннадцатая изображает попытку разума освободиться от рабства животной души. Могучий человек, носящий пояс и железный шлем с гребнем из красных перьев, является Демииургом, или Регентом, физического мира, властелином чувств и страстей. Он пытается привязать одухотворенный разум к скале неведения. Прекрасный юноша, держащий кадуцей, есть философский разум. Совершенное овладение мыслью, превращающее ум в слугу духовного Я, представляет собой одиннадцатую ступень древнего ритуала.

Вся феноменальная вселенная, против которой борется неопит в течение своих одиннадцати необычных и тяжелых приключений, олицетворена чело-

¹ М.П.Холл. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. — Новосибирск: Наука, 1997.

веком с красными перьями. Здесь мир делает свое последнее усилие удержать ускользающего супермена. Но усилие это тщетно. Никакие цепи, выкованные из земли, не могут задержать или приковать Философский Меркурий. Нам говорят, что в алхимических процессах эта тончайшая сущность может просочиться сквозь железный сосуд (воина), сквозь стекло или фарфор и испариться, несмотря на все усилия изловить ее квинтэссенцию.

На одиннадцатом рисунке представлено множество необычных и впечатляющих иероглифов. Условные обозначения на щите включают крестообразную косу и скипетр, означающие смерть и воскрешение, или смертность и владычество. Здесь также изображен и топор — иероглиф дровосека, строителя и геометра. Иероглифы поменьше означают яйцо и пещеру, а лунный серп может символизировать либо лунную четверть, либо врата. Эти символы, несомненно, относятся к ступеням в драме посвящения.

Слова на табличке сверху иллюстрации могут быть переведены таким образом: «Надобно быть знаком Ноги с Вечной Продолжительностью, чтобы излить и возвестить разрушение». Мысль явно пророческая, относящаяся к разрушению неправедных в знаке Водолея — созвездия, управляющего одиннадцатой частью работы.

Надпись внизу иллюстрации абсолютно мистическая: «Сказано, что зло будет поправлено в шестом портике». Душа в своем духовном цикле возрождения переходит из нижнего полушария зодиака в верхнее в конце шестого знака — Девы. Дева эта есть мать Мессий. Как физическое порождение начинается в Овне, так и возрождение мудрецов начинается с Матери (с Мистерий), рождающей их для жизни в небесном полушарии. Старый порядок не может перешагнуть за шестые врата, ибо седьмые

есть врата нового человека, или второго рождения, — тайны, на которую намекает наша надпись.

* * *

Посвященный, покидая дворец воскрешения, видит перед собой взмахивающую крылами таинственную птицу *Ampheercha*, имеющую теперь, вдобавок к ее собственным, еще и крылья бабочки. Каббалистическое значение имени птицы таково: «Мать должна иметь подобие». Интеллектуальная энергия герметического Ибиса теперь доведена до совершенства силою души, символизируемой прозрачными крыльями бабочки. Апулей создал миф о Психее в качестве метода изложения Герметической Женитьбы, или союза разума с совершенной душой. Это и есть вторая Великая Мистерия: завершение философского андрогина, в коем мужской и женский принципы мудрости — ибис и бабочка — сливаются в единое создание.

Посвященному повелевают схватить и пригвоздить символическую птицу. В течение девяти дней (степеней) адепт преследует птицу, которую, наконец, загоняет в башню, называемую *разложением*. Символизм продолжается и дальше, облаченный в алхимические термины. Башня есть сосуд дальнейшего дигерирования, через который должны пройти элементы Камня, прежде чем достигнуть окончательного совершенства. Посвященный вонзает стальной гвоздь в крылья птицы. Имя гвоздя суть предупреждение поспешить с окончанием операции. Потому-то птица и распинается на колесе, подобно голубке-Семирамиде и Иксиону. Имя мотылька означает *выступить вперед и проявиться* — намек на силу воли, которая должна завершить эту последнюю операцию.

Алхимически вещество, которое символизируется птицей, начинает светиться в реторте. Светяще-

еся свойство подразумевает то, что сила души Камня начинает торжественно сиять и что тяжкий труд алхимика вот-вот будет вознагражден.

Посвященный уходит. Свершив одиннадцатую Мистерию и пригвоздив силу души-птицы так, что она уже не сможет от него ускользнуть, он проходит между двух огромных колонн и вновь оказывается в Зале Мудрости.

Часть 12

Стр. [84] *Странствие адепта, наконец, закончилось. В небесах сияет философское солнце — треугольник, окруженный кругом и квадратом, символизирующим слияние различных элементов природы в единую божественно блистающую и лучезарную силу. Женская фигура есть Изида — тело ее уже не скрывает черное одеяние, как на второй иллюстрации. Она — сама Природа. Одной рукой она указывает на Божественный Свет в поднебесье, который есть ее собственный Источник, а в другой держит три шара, символизирующих совершенство Искусства, высшую герметическую алхимию. Шары содержат три части Философского Камня, соединенные золотыми кольцами.*

«Большой могучий человек» есть сам Посвященный. Сквозь колечки его золотых доспехов проступает синее одеяние — его звездная мантия. В руке он держит белый скипетр, украшенный магическими иероглифами. Это — знак отличия его достоинства, жезл адепта.

Близится время двенадцатой и последней ступени посвящения. Венец, что прежде был в небесах, теперь на шлеме Посвященного. Изида воспаряет ввысь, вознося с собою и нового Мастера. Природа, безжалостный сокрушитель невежд, есть благосклонная слуга мудрых. Ведомый самой природой и

возносимый ею от земного состояния, Мудрец восходит в присутствии трех Мастеров Вселенской Ложжи, чье ослепительное солнце сияет в небесах.

В двенадцатом зодиакальном знаке Рыб достигается Нирвана, проецируется Камень, раскрываются тайны природы, а сам Посвященный взмывает ввысь с торжественным возгласом Мастеров: «Consummatum Est»¹.

* * *

Посвященный сейчас вновь отождествляет себя с алхимической материей и вступает в кристаллическую реторту, лежащую в песочной печи, где постоянно поддерживается умеренный жар. Имя залы таково: «Место сочащихся капель». Бассейн, поддерживающий ее, есть «пустыня пылающего огня» или «агент, позволяющий каплям просачиваться». Со дна стеклянной реторты все время поднимаются пары. Адепт возносится и спустя тридцать шесть дней рождается в верхней части шара. Когда же жар спадает, он нисходит и обнаруживает, что зеленый цвет его одеяния поменялся на блистающе красный.

«Раствор в алхимической реторте, если дигерировать его определенное время, превращается в красный эликсир, называемый Универсальным Лекарством. Он напоминает огненную воду и светится во тьме» (см. «Истинный Путь Природы» [«The True Way of Nature»] Гермеса).

Теперь сам адепт — Универсальное Лекарство. Он и есть то самое вещество, что предназначено для исцеления народов. Его малиновое одеяние — облачение Красного Эликсира. Он стал Рубиновым Алмазом. Обозрев иероглифическую картину, завершающую его обучение, новый мастер Великого

¹ «Свершилось». (Лат.)

Делания оказывается в Тронной Зале в Доме Мудрецов.

Он видит *птицу, алтарь и факел*, слитых в единое духовное тело. Небеса, земля и человек соединились воедино нерасторжимыми узами герметической мудрости. Проекция Камня есть последнее испытание окончания Работы. Адепт ударяет о золотое солнце, разбивая его на мельчайшие частицы. Представая в роли Рубинового Алмаза, Посвященный затем касается каждого из осколков, и они превращаются в солнца столь же великолепные, как и оригинал. Солнце здесь символизирует зародыш Вселенского Золота или божество, сущее во всех природах. Оно разбивается на мельчайшие частицы согласно вакхической традиции, гласящей, что солнечная энергия рассеяна во всей природе. Философ затем касается осколков, и каждый становится совершенным. Алхимик — мастер своего Искусства, и посредством Камня он высвобождает и совершенствует частицы божества, заключенные в конституции каждого смертного.

Высший Судия всех творений возглашает, что адепт завершил духовное преображение и что Работа отличная. Дети света — его братья-Посвященные — спешат к нему присоединиться. Врата Вселенской Жизни отворились, покрывало миста поднято. Адепт теперь уже эпопт — тот, кто видит ясно. Элементальные духи, символизирующие телесные ограничения, признают победу внутренних принципов. Философское рождение состоялось. Нового Мастера признают века.

М. П. Холл